

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.)

К 55-летию отдела

История Отдела (Сектора) древнерусской литературы тесно связана с историей Пушкинского Дома, в которой, по словам В. Н. Баскакова — автора исторического очерка «Пушкинский Дом (1905—1930—1980)», — «лежат истоки процессов, во многом и по сей час определяющих профиль и направление деятельности Института русской литературы и неизменно поддерживающих традиционное взаимодействие исследования с широким поиском, собиранием и хранением памятников национальной культуры. . . В Пушкинском Доме закладывались научные основы истории русского литературного средневековья».¹

Поскольку не только на протяжении истекших пятидесяти лет, но и сейчас Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома является крупнейшим научным центром изучения литературы Древней Руси в нашей стране и за рубежом, то его история есть, по сути, история советской науки о средневековой русской литературе.

Итак, «историей Пушкинского Дома, — как справедливо пишет В. Н. Баскаков, — занимались очень мало, а если и занимались, то эпизодически и очень поверхностно. . .» Материалы архивов, в которых сохранились свидетельства научной жизни отдела в первое десятилетие его существования (по послевоенному периоду материал сохранился лучше), дают в какой-то мере возможность представить себе литературный быт Пушкинского Дома, ту «атмосферу, которая царила здесь на разных этапах его развития, оживленные дискуссии и споры теоретического, методологического и идеологического свойства. . .»,² т. е. как раз то, что сквозит за строками документов официального делопроизводства и на частую невозможность полного воссоздания чего сетовал В. Н. Баскаков. Труд самого В. Н. Баскакова — исторический очерк о Пушкинском Доме и редакция двух томов библиографии и документов, выпущенных к 75-летию со дня создания и 50-летию образования научного института на основе Пушкинского Дома, — во многом восполняет те пробелы, о которых писал автор, и ни один историк как Пушкинского Дома в целом, так и любого из его отделов не сможет пройти мимо этого труда. Наша задача — воссоздать историю возникновения и становления Отдела (Сектора) древнерусской литературы, руководимого с момента его зарождения до 1947 г. акад. А. С. Орловым, затем — чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц (с 1947 по 1954 г.), а с 1954 г. — акад. Д. С. Лихачевым.

¹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом (1905—1930—1980): Исторический очерк. Л., 1980. С. 5.

² Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Статьи; Документы; Библиография. Л., 1980. С. 4—6.

Известно, что до 1930 г. Пушкинский Дом существовал как учреждение архивно-музейного типа, где сосредоточивались материалы и проводилось изучение русской литературы исключительно XIX в. 1 октября 1930 г. Отделением общественных наук АН СССР было утверждено Положение об Институте новой русской литературы, а 2 октября 1930 г. в связи с этим директором института был назначен А. В. Луначарский, который в основном находился в Москве, и его обязанности в 1930 и 1931 гг. исполнял Н. К. Козмин.³ Предыстория этих событий такова.

Директором Пушкинского Дома до 1930 г. был акад. П. Н. Сакулин (он же — председатель группы языкознания и литературы Отделения гуманитарных наук АН СССР). 28 декабря 1929 г. П. Н. Сакулин обратился в отделение с докладной запиской, предложив создать Институт русского языка и словесности. В институте должны были работать, по мысли П. Н. Сакулина, три отделения: 1) по истории и теории русского языка; 2) по древнерусской литературе; 3) по новой русской литературе.⁴

Как же замысливался П. Н. Сакулиным Отдел древнерусской литературы?

Еще в дореволюционные годы при Отделении русского языка и словесности Академии наук была создана Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ), которую возглавил акад. Н. К. Никольский. До 1928 г. комиссия работала «на общественных началах», привлекая к своей работе различных ученых в области русской древней письменности. В ЛО Архива Академии наук (ААН) СССР, в фонде акад. Н. К. Никольского (ф. 247), содержатся материалы по КПДЛ. В 1928 г. был утвержден штат КПДЛ, по которому в состав комиссии в соответствии с существовавшей тогда номенклатурой входили председатель — академик, 1 старший ученый хранитель, 1 научный сотрудник 1-го разряда, 1 научный сотрудник 2-го разряда — всего 3 штатных единицы. Постановление Отделения гуманитарных наук АН СССР от 28 января 1928 г. возложило на председателя КПДЛ поручение сформировать новый состав комиссии, после чего туда вошли следующие сотрудники: М. Н. Куфаев, Н. Н. Зарубин, В. Ф. Покровская. КПДЛ занималась выявлением в рукописных отделениях библиотек новых списков литературных памятников, сличением их с уже известными, описанием рукописей, составлением копий древних списков и т. п., ставя своей целью максимально полно учесть состав сохранившейся древнерусской книжности и подготовить тексты к изданию. Картотека комиссии и все материалы сохранялись в Детском Селе (г. Пушкине), в доме акад. Н. К. Никольского вплоть до его смерти в марте 1936 г. Вторая комиссия — Комиссия по составлению толковой библиографии по древнерусской литературе (КТБ) — работала под руководством акад. В. Н. Перетца, постоянных сотрудников она не имела. Учреждение КТБ было одобрено на заседании Отделения русского языка и словесности 5 декабря 1915 г. (см. материалы и отчеты отделения за 1915 г.). В письме к акад. Н. К. Никольскому от 19 ноября 1930 г. В. Н. Перетц привел полностью составленную в 1915 г. и переработанную в 1929 г. записку о КТБ.

«КТБ древней русской литературы имеет следующие задачи:

1) Составляемая библиография должна дать возможность ориентировки в научной литературе, посвященной памятникам древней русской письменности.

2) Библиография должна обнимать все сведения о литературных явлениях Древней Руси, дошедших до нас в письменном виде, кроме памятников богослужебных, законодательных и юридических документов.

³ См.: ААН, ф. 1, оп. 1 (1930), № 256, л. 66, 46. См. также: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом (1905—1930—1980).

⁴ ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 1, л. 42—43.

3) Библиография должна давать сведения только о том, что было где-либо и когда-либо напечатано в статьях и исследованиях, относящихся к изучению того или иного памятника; обязательно упоминаются списки его — лишь известные в печати.

4) Библиография должна быть собрана от начала письменности до (приблизительно) 1725 г., с отступлением для тех позднейших памятников, которые в сущности являются продолжением старой литературной традиции и сохранились в рукописном виде.

5) Библиография говорит об изданиях памятников, лишь отмечая место издания, и подробно — об исследованиях, статьях и заметках об этих памятниках, давая сжато составленное резюме всего сделанного для выяснения происхождения, судеб и литературных взаимоотношений каждого памятника (писателя).

6) Сведения о памятниках (писателях) группируются по жанрам, причем внутри каждого отдела соблюдается хронологическое расположение материала.

Задачу сотрудников является: библиографирование с аннотациями всего печатного материала, относящегося к области истории древней русской литературы, систематизация собранных данных и снабжение заинтересованных учреждений и лиц надлежащими справками».⁵

Подводя итоги работы КТБ к 1 января 1931 г., В. Н. Перетц писал: «Подкомиссия (до 1 окт. 1930 г. — комиссия) работала в 1916—1930 гг., за вычетом 1918—1921 гг., т. е. 10 лет, без штатных ассигнований; на оплату сотрудников получено за эти годы около 2200 р. Руководитель — акад. В. Н. Перетц. Сотрудники за 10 лет: проф. Адрианова, Багрий, Балухатый, Еремин, Никольская, Розанов, Щеглова.

Цель подкомиссии двоякая: 1) теоретическая — подготовить и обработать материал для истории литературоведения в России; 2) практическая — пользуясь знаниями специалистов, дать идущей смене литературоведов ключ к систематическому изучению научной литературы о памятниках древнерусской словесности XI—XVIII вв.».⁶

За годы работы КТБ обработала 139 периодических изданий и 268 монографий и статей (с конца XVIII в.). Изготовлено 20 050 карточек, не считая ссылочных. План расположения карточек был следующим: алфавитный порядок, с соблюдением группировки по литературным жанрам — повести, сказания, жития, летописи, публицистика, драма, вирши и др. Важно было и то, что картотекой почти сразу же можно было пользоваться, так как после редактирования карточки ставились в каталог на соответствующее место.

В 1930 г., как мы уже знаем, было выработано Положение об Институте новой русской литературы, а в программе института указывалось, что необходимо вести изучение истории русской литературы, начиная с XVIII в. и кончая современностью. Таким образом, специальной административной единицы, занимающейся исследованием средневековой русской литературы, положение и программа 1930 г. не предусматривали. Это противоречило намерению акад. П. Н. Сакулина, предлагавшего в своей докладной записке (на исходе 1929 г.) создать во вновь организуемом институте Отдел древнерусской литературы на основе Комиссии по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы и Комиссии по составлению толковой библиографии.

Правда, 13 мая 1930 г. П. Н. Сакулин отправил в Отделение гуманитарных наук новую докладную записку, где изложил программу будущего института: «Научно-исследовательская работа в области литературоведения требует особого организационного оформления. С этой целью и создается Институт новой русской литературы».⁷

⁵ ААН, ф. 247, оп. 2, № 58, л. 1.

⁶ Там же, л. 9.

⁷ ААН, ф. 150, оп. 1 (1929), № 3, л. 117.

Предполагаемый Сакулиным институт должен был: а) разрабатывать историю новой русской литературы начиная с середины XVII в., б) заниматься изучением современной литературы и в) разрабатывать проблемы теоретико-методологического характера (проблемы поэтики и методологии). Итак, возникновение института состоялось: «Институт новой русской литературы был утвержден Комитетом по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР в списке научных и административных учреждений и общественных организаций Академии наук СССР 20 июня 1930 г.»⁸

В течение следующих двух лет сформировывается Комиссия по древнерусской литературе (КДЛ).⁹ Она создается на основе двух прежних комиссий — КПДЛ и КТВ, т. е. комиссий акад. Н. К. Никольского и акад. В. Н. Перетца. Н. К. Никольский, как видно из его письма в президиум АН СССР и копии на имя председателя группы по языку и литературе А. В. Луначарского от 25 октября 1930 г., предполагал «не сокращение работ КПДЛ, а расширение ее задач, функций и штата».¹⁰ По положению о КДЛ, писал Н. К. Никольский, она является надстройкой над существовавшими ранее двумя комиссиями (КПДЛ и КТВ), учрежденной для руководства вместо проектированного ранее Института русского языка и литературы. Создание КДЛ связано прежде всего с именем акад. А. С. Орлова. В 1931 г. он был приглашен из Московского университета, где вел преподавательскую деятельность, в Ленинград на должность заместителя директора Института новой русской литературы. Как справедливо отмечает В. Н. Баскаков, «ему принадлежит инициатива и им, при активном участии В. П. Адриановой-Перетц, были созданы предпосылки для широкого включения древнерусской литературы в программу исследований Пушкинского Дома. В 1931—1932 гг. в институте организуются доклады, проводятся обсуждения, планируется и направляется работа комиссий, осуществляются первые исследования русской средневековой литературы. Весь комплекс этих работ объединился Комиссией по древнерусской литературе — КДЛ».¹¹ Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы, формально вошедшая в КДЛ, не прекращает в течение 1930—1931 гг. своей работы. В ААН СССР хранится отчет КПДЛ о работе в 1930 г. (по 1 октября 1930 г.), где говорится: «В конце отчетного года (на сентябрьской сессии АН) утверждено Положение о Комиссии по древнерусской литературе (КДЛ) с двумя подкомиссиями: а) по исследованию и подготовке к изданию памятников древнерусской литературы (прежняя КПДЛ с более широкими задачами — разработка научных проблем в области древнерусской как письменной, так и устной словесности, издание памятников и подготовительные работы), б) по составлению толковой библиографии».

Итак, Комиссия по древнерусской литературе возникла в 1930 г. Председателем КДЛ был избран акад. Н. К. Никольский.¹²

Научная работа подкомиссии по изданию памятников древнерусской литературы заключалась в следующем.

А. 1. Собрание материалов и составление библиографии русских пергаменных рукописей под заглавием «*Bibliotheca (Bibliographia) slovenorossica, sive nontitra manuscriptorum nec non scriptorum quorumcumque monumenta edita et inedita extant*».

2. Выработка предварительного плана издания старорусских повестей

⁸ См: Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917—1947). М.; Л., 1950. С. 94; ср.: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 77.

⁹ См.: Комиссия по древнерусской литературе // Вестн. АН СССР. 1931. № 2. Стб. 53—55.

¹⁰ ААН, ф. 247, оп. 2, № 52, л. 15.

¹¹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 128.

¹² ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 2, л. 5—6.

и сказаний светского содержания XIV—XVII ст. (акад. М. Н. Сперанский, М. Н. Куфаев).

3. Повести о Фроле Скобееве (В. Ф. Покровская).

4. Слово Даниила Заточника (Н. Н. Зарубин).

5. Повести о происхождении табака и о табаке (М. Н. Куфаев).

Б. 1. Составление сводного списка рукописей по отделам основного фонда ГПБ (Н. Н. Зарубин).

2. Обследование рукописных собраний ГПБ и регистрирование неопи- санных рукописей.

3. Частичное обследование рукописного собрания Щукина в ГИМе.

4. Снятие копий с памятников повествовательной литературы из собра- ний БАН, из отдельных сборников московских книгохранилищ и главным образом из собраний ГПБ.

Работа же подкомиссии по составлению толковой библиографии, кото- рой руководил В. Н. Перетц, велась в это время в основном им и В. П. Ад- риановой-Перетц.

На 1931 г. подкомиссия ставила следующие рабочие задачи.

«1) Продолжение библиографирования еще не использованной части периодических изданий, русских и иностранных, содержащих материал по библиографии истории древнерусской литературы.

2) Аннотирование уже ранее собранного материала.

3) Продолжение экспедиционной работы по выяснению состояния и местопребывания фондов для истории древней русской литературы с целью уточнения данных в научной литературе».¹³

Академик Н. К. Никольский, по-видимому, болезненно переживал перестройку бывшей в его ведении КДЛ и слияние ее с КТБ. Он вообще считал, что такая реорганизация комиссии безосновательна. В 1930 г. Никольский просил у администрации Института новой русской литера- туры и Отделения общественных наук АН СССР создания определенных условий для работы КДЛ. В годовом рабочем отчете за 1931 г. он писал: «Ни дополнительного штата, ни дополнительных ассигнований, ни обору- дования помещения КДЛ в 1931 г. не получила. Наоборот, введенная в нее подкомиссия по составлению толковой библиографии осталась по-прежнему без штатных единиц, денежных ассигнований было назна- чено менее, чем в 1930 г. . . . Тем не менее значительная часть плана ее (КДЛ) работ оказалась выполненной».¹⁴

Как отмечено в отчете за 1931 г., подкомиссия по исследованию и изда- нию памятников древней русской литературы под руководством Н. К. Ни- кольского 1) уделяла внимание проработке методологических вопросов марксистского построения истории древнерусской литературы и критике имеющихся схем развития литературы древнейшего периода (кроме того, член КДЛ акад. А. С. Орлов по поручению комиссии сделал доклад «Книга как орудие социальной борьбы (по материалам русского средне- вековья)»); 2) уточняла в связи с текущими работами и составлением плана работ на 1932 г. предварительный план издания древнерусской светской повествовательной литературы XVI—XVII столетий; 3) систе- матизировала библиографические материалы картотеки; 4) подготовила к изданию: а) Повести о Фроле Скобееве (работа В. Ф. Покровской), б) По- весть о взятии Царьграда и Хождение Стефана Новгородца (работы акад. М. Н. Сперанского); 5) подготовила к изданию первый выпуск Трудов КДЛ (статьи акад. Орлова, Сперанского, Седельникова, Щегло- вой, Богдановой, Еремина); 6) подготовила к печати второй выпуск Тру- дов КДЛ (работы Сперанского, Чернышева, Ржиги и др.); 7) продолжала в связи с обнаружением новых материалов работу о революционных на- строениях в древнерусской литературе (работа М. Н. Куфаева); 8) вела

¹³ ААН, ф. 247, оп. 2, № 58, л. 11.

¹⁴ ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 2, л. 9—11.

собрание библиографических материалов и текстов повестей о птицах (работа Н. Н. Зарубина), о табаке (работа М. Н. Куфаева).

Была также продолжена работа по составлению библиографического труда «Bibliotheca. . . sloveno-rossica» и т. д.

На основании решения Отделения общественных наук от 24 ноября 1931 г. произошло соединение Института новой русской литературы с Комиссией по древнерусской литературе, и институт получил название Института русской литературы (ИЛИ или ИРЛИ). В комиссию дополнительно были введены зам. директора Института русской литературы Г. Е. Горбачев и академик-секретарь отделения А. Н. Самойлович.¹⁵ «Решение это, — пишет В. Н. Баскаков, — было утверждено общим собранием 28 февраля 1932 г., а несколько позднее комиссия была преобразована в Отдел древнерусской литературы, заведующим которого 4 мая 1932 г. назначается академик А. С. Орлов».¹⁶ Следовательно, временем создания Отдела (Сектора) древнерусской литературы (далее: ОДЛ или ОДРЛ) надо считать весну 1932 г. При этом КТБ, которой руководил В. Н. Перетц, сразу же объединилась с отделом, а КПДЛ, руководимая Н. К. Никольским, хотя формально и подчинялась отделу, но фактически работала самостоятельно. 10 декабря 1932 г. Н. К. Никольский представил руководству института «Отчет Комиссии по подготовке издания памятников древнерусской литературы при Отделе древнерусской литературы ИРЛИ за 1932 г.». В нем он писал: «В истекшем 1932 г. в связи со слиянием КДЛ с И(Н)ЛИ и образованием при ИРЛИ Отдела древнерусской литературы, в состав которого наряду с Комиссией по составлению толковой библиографии вошла также и Комиссия по подготовке издания памятников древнерусской литературы, работы последней протекали при крайне неблагоприятных условиях».¹⁷ В ряду этих «неблагоприятных условий» Н. Никольский называл: уменьшение числа штатных сотрудников (остались сам Никольский и Н. Н. Зарубин; В. Ф. Покровская перешла в Отдел древнерусской литературы, в комиссию В. Н. Перетца, была сокращена ставка М. Н. Куфаева), далее — прекращение отпуска средств (что вполне объяснимо, так как средства выделялись теперь на весь отдел в целом), неурегулирование вопроса с помещением КПДЛ. Дело в том, что, как уже упоминалось, комиссия размещалась в Детском Селе, в доме, принадлежавшем ранее акад. Н. К. Никольскому (Октябрьский бульвар, д. 37), и работа с картотеками КПДЛ была затруднена для сотрудников отдела.

Насколько акад. Н. К. Никольский противился созданию Отдела древнерусской литературы и непосредственному участию в его работе, считая ее ненаучной и нецелесообразной (что, несомненно, тормозило деятельность отдела), видно из отзыва В. Н. Перетца о статье Н. К. Никольского «О перспективах деятельности КПДЛ во вторую пятилетку». Статья Н. К. Никольского, направленная в руководящие инстанции ИРЛИ, по-видимому, не сохранилась, а отзыв В. Н. Перетца в машинописном варианте, датированный 1933 г., находится в архиве В. П. Адриановой-Перетц (РО ИРЛИ, ф. 728; архив не разобран). В своем отзыве, адресованном, как можно предположить, руководству Института русской литературы, В. Н. Перетц упоминал об обстоятельствах, при которых работа КПДЛ «была оживлена в 1928 г.». Вначале комиссия была исключена

¹⁵ ААН, ф. 150, оп. 1 (1932), № 5, л. 102.

¹⁶ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 128. — См. выписку из протокола Отделения общественных наук от 5 октября 1932 г., № IV, § 23: «ИРЛИ, академиком А. С. Орлову, В. Н. Перетцу, Н. К. Никольскому.

Академик-секретарь доложил выписку из протокола заседания президиума Академии наук об утверждении академика А. С. Орлова Зав. Отделением древнерусской литературы ИРЛИ, акад. Н. К. Никольского — председателем Комиссии по подготовке издания памятников древнерусской литературы и акад. В. Н. Перетца — председателем Комиссии по составлению толковой библиографии того же отдела ИРЛИ. Постановлено: утвердить» (ААН, ф. 763, оп. 2, № 39, л. 2).

¹⁷ Материалы отчета комиссии см.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1930), № 2, л. 18.

тогдашним Научным советом из списка академических научных учреждений, и только благодаря выступлению В. Н. Перетца, доказавшего необходимость продолжения работы комиссии, она была вновь включена в список и акад. Н. К. Никольскому предоставлены 3 вакансии штатных сотрудников. В. Н. Перетц писал о непродуктивности КПДЛ, «за 5 лет осуществившей издание небольшого памятника» (имелась в виду публикация работы Н. Н. Зарубина о «Молении Даниила Заточника» с изданием текста в Трудах КПДЛ в 1932 г.). «Неудачной организацией работы и подбором сотрудников следует объяснять злключения КПДЛ, а не слиянием ее с ИНЛИ или с ИРЛИ», — писал В. Н. Перетц. Н. К. Никольский, по его мнению, не сумел привлечь к работе литературоведов-медиевистов. Кроме того, комиссия никак не была связана с разработкой общих вопросов истории литературы, которой занимались не только «древники», но и сотрудники Отдела новой литературы. «Прав ли акад. Никольский, — спрашивал В. Н. Перетц, — считающий, что отделы древней и новой литературы объединяет только „однозвучное слово «литература»“, входящее в их наименование?»

Далее в отзыве В. Н. Перетца последовательно, по пунктам разбираются все упреки Н. К. Никольского, сделанные Отделу древнерусской литературы. Прежде всего Никольский возражал против самого соединения КПДЛ с ОДЛ, против рабочего подчинения комиссии отделу: «Организационные формы, в которые неудачно влита в настоящее время ее (КПДЛ) научная деятельность, отчетливо указывают, что она обречена ими на непроизводительную работу и напрасную затрату ученых сил и народных средств». На это В. Н. Перетц отвечал: «Акад. Никольский принципиально возражает против самой возможности и целесообразности при современном состоянии науки объединения двух обособившихся уже различных научных дисциплин, не связанных между собой ни предметами изучения, ни приемами исследовательской методики».

По мнению Н. К. Никольского, «слово „литература“ в применении к средневековью имеет совершенно иное содержание и объем сравнительно со значением того же термина в применении к более поздним столетиям».

На это В. Н. Перетц отвечал: «Вряд ли надо в наше время подробно доказывать, что каждый памятник словесного творчества, каково бы ни было его содержание и первоначальное назначение, может быть изучаем и как продукт именно словесного искусства, с точки зрения его стилистики, художественного словесного оформления, его общественной функции . . . таким образом в выборе материала для изучения принципиальной разницы между историком новой и древней литературы нет. (Кстати, древняя литература не «переименована» в литературу эпохи феодализма, как полагает акад. Никольский, а этим названием уточняется неопределенный термин «древний» и указывается отчетливо, при какой общественно-экономической структуре возникли памятники, входящие в кругозор историка, что, конечно, немаловажно при перестройке традиционной схемы истории литературы по векам».)

Н. К. Никольский выступал и против методики изучения древнерусских литературных памятников, проводимого ОДЛ. Он упрекал его сотрудников в том, что доклады, прочитанные ими в 1933 г., не выходили из рамок устаревшего формально-филологического метода.

В связи с этим В. Н. Перетц писал: «Ни идеалистическое, ни материалистическое освещение литературного материала невозможно до тех пор, пока самый материал не будет переработан приемами строгой филологической критики. И в этом моменте работы, первом во всяком, правильно построенном научном исследовании, историк новой и древней литературы сойдутся на одном и том же методе. . . И тот и другой оперируют с рукописями, сверяют их, выбирают чтения, подводят варианты, комментируют их, объясняя, почему предпочитается тот или иной список, то или иное

отдельное чтение. Приемы критики текста, датировки памятника, определения автора и среды необходимы всякому историку литературы, какой бы эпохой он ни занимался. Следовательно, на этом первом этапе обработки литературного материала филологические разыскания необходимы представителям обеих объединенных в ИРЛИ научных дисциплин. . . Подходить к своему источнику оба должны с одними и теми же строго научными требованиями, не допускающими возможности исторических обобщений до предварительного критического исследования материала во всеоружии „старого“ филологического метода.

Весьма полезно сотрудничество историков древней и новой литературы там, где исследование подходит к самому ответственному моменту — к обобщениям, к обработке подготовленного материала на основе диалектического материализма. Исходные методологические предпосылки, основные задачи здесь будут одни и те же у историков всех периодов русской литературы. . . Здесь необходимо привлекать к обсуждению каждого отдельного вопроса возможно большее количество научных работников, хотя бы материал, которым каждый из них занимается, и отстоял хронологически далеко. Цель, которую впереди имеет ИРЛИ в полном своем составе, — построение истории русской литературы на всем ее протяжении на основах новейшей методологии, — должна быть достигнута в процессе общей работы над освоением этой новой методологии. Практика последних заседаний ОДЛ, где присутствовали и сотрудники ОНЛ (Отдела новой литературы. — *М. Р.*), показала, насколько плодотворной и интересной может быть такая совместная работа. . .

Итак, на всех этапах историко-литературного исследования сотрудничество ОДЛ и ОНЛ принципиально не только не вредно, как это пытается доказать акад. Никольский, но оно необходимо».

Но Н. К. Никольский не только не видел возможности сотрудничества исследователей новой и древней русской литературы, он упрекал сотрудников ОДЛ в недостатке «широких запасов знаний, недостаточной квалификации». В своем отзыве В. Н. Перетц показал необоснованность обвинений Н. К. Никольского, поскольку они были абсолютно голословны и не подтверждались сколько-нибудь серьезным разбором статей и докладов членов ОДЛ. В ответ на замечание Н. К. Никольского о том, что темы докладов на заседаниях отдела неактуальны, узки и ничего не прибавляют к общей картине развития древнерусской литературы, В. Н. Перетц писал: «Поскольку основной проблемой, какую ставит себе отдел на 1933 и 1934 гг., является общая композиция истории русской литературы феодального периода, — каждый новый литературный факт, вводимый тем или иным членом отдела в научный кругозор, представляет ценность для выполнения плана, равно как и новое освещение ранее бывших известными фактов. Из перечня докладов, читавшихся на заседаниях ОДЛ, можно видеть, например, что отдел уделил внимание памятникам той массовой литературы XVII—XVIII вв., которые оставались в тени до сих пор, но которые существенно необходимы для перестройки самой схемы истории литературы XI—XVIII вв.».

Естественно, для того чтобы осуществить такую перестройку на основе новых фактов и нового освещения этих фактов, необходимо было критически осмыслить предшествующие построения истории литературы. Н. К. Никольский не видел научной пользы в этом. Он писал, что критика существовавших историй литературы «есть для отдела занятие праздное, более пригодное для университетских просеминариев, чем для Академии наук».

В отзыве В. Н. Перетца читаем: «Мнение по меньшей мере странное. Отмахнуться от всех существующих построений схемы истории древней литературы, назвав их вообще „ненаучными“, как это делает акад. Никольский, конечно, недостаточно».

. . . Дефект старых историй литературы не только в неправильном

освещении фактов, но — что важнее — в отсутствии многих литературных фактов, ставших известными позже и изменяющих нередко самую схему построения.

Вот почему ОДЛ и формулирует свою вторую задачу так осторожно: „начальная наметка основных линий новой программы для композиции истории литературы, т. е. собирание недостающего для всей композиции материала“. Между тем акад. Никольский почему-то увидел в этой задаче стремление отдела создать какую-то „предвзятую композицию“, которая предварит собирание и исследование фактов. Конечно, во всех его критических замечаниях, направленных против этой проблемы плана, заключается сплошное недоразумение. . . Не потому, что „старые специалисты не проходили курсов политграммоты и диамата“, а „молодняк склонен к левизне“ (Н. К. Никольский), не будет в ближайшее время построена композиция истории древней русской литературы, а потому, что для этого еще не приготовлен материал, над собиранием и обработкой которого по мере своих сил и работает ОДЛ и который должен быть собран и издан КПДЛ. Для успешного продолжения его работы, конечно, нужна активная работа и критика, но серьезная, плодотворная, критика фактов, критика примерами собственной работы, а не голословные субъективные оценки — не убедительные и безрезультатные». В. Н. Перетц считал, что Н. К. Никольский как руководитель КПДЛ не понимал всей важности задач ее работы, т. е. планомерного, научного издания памятников древнерусской литературы на основе их всестороннего изучения. Комиссия не стала, к сожалению, тем центром, который объединял бы усилия не только исследователей древнерусской письменности, но специалистов смежных областей знания. А именно в таком объединении исследовательских усилий и видел необходимое условие плодотворной работы по изучению литературы и — шире — культуры Древней Руси В. Н. Перетц, а вместе с ним возглавивший отдел А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц. Именно таким центром их усилиями стал ОДЛ. Напротив, Н. К. Никольский не стремился привлечь к работе других исследователей, кроме штатных сотрудников КПДЛ — М. Н. Куфаева, В. Ф. Покровской и Н. Н. Зарубина.

«Даже академики работали вне КПДЛ, — писал в отзыве В. Н. Перетц, — а например, московские литературоведы, на которых обращал внимание акад. Никольского акад. М. Н. Сперанский, не были привлечены к работе. Это неумение или нежелание объединить, организовать даже небольшие наличные силы неминуемо должно было повести к изолированности КПДЛ. Работа в области изучения древнерусской литературы шла мимо нее, и поступавшие в Академию наук работы — а таковые были — появлялись в печати не по вине КПДЛ». К участию же в Трудах ОДЛ сами В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц и А. С. Орлов старались привлечь как можно больше серьезных ученых. Это были: чл.-кор. Вс. И. Срезневский, чл.-кор. А. Д. Айналов, П. К. Симони, В. В. Майков, проф. В. А. Десницкий, В. Л. Комарович, «старейший из учеников акад. Истрина Г. П. Бельченко» (как выразился В. Н. Перетц), проф. М. А. Яковлев, С. Д. Балухатый, В. В. Буш, научные работники А. Б. Никольская, С. А. Щеглова, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев.

В. Н. Перетц писал: «Следует признать заслугой ОДЛ и его руководителя привлечение названных лиц, так как таким образом старые кадры литературоведов смыкаются с новыми в совместной работе».

На утверждение Н. К. Никольского, что «тематика ОДЛ стала в зависимость от личных интересов его членов», В. Н. Перетц отвечал: «Это совершенно не соответствует истине». Штатные работники, конечно, обязаны работать в плане, но и нештатные — также разрабатывают темы плановые. Если же среди их работ оказываются ценные в отношении методологическом или по содержанию, ОДЛ как единственный научный орган по изучению древней литературы не вправе отказать авторам в заслушании

работы, разборе ее и консультации». Все нежелание Н. К. Никольского согласовать научную деятельность КПДЛ с планами ОДЛ, соотнести между собой первоочередные и второстепенные задачи работы по собиранию, изучению и изданию памятников древнеславянской письменности акад. В. Н. Перетц объяснял в своем отзыве «неосведомленностью акад. Никольского в вопросах новейшего научного литературоведения». Сохранившийся в машинописном виде отзыв В. Н. Перетца на статью Н. К. Никольского не закончен. На последнем листе запись карандашом: «... считать справедливыми требования Н. К. Никольского к руководству института беспрепятственно выдавать бумагу для нужд КПДЛ и возмещение денежного долга, возникшего в результате упразднения одной штатной единицы при слиянии КПДЛ с ИРЛИ». Об этом Н. К. Никольский в своей статье писал так: «После реформы 1932 г. КПДЛ стала в административную и бюджетную зависимость от ИРЛИ, мало заинтересованного в научных успехах искусственно присоединенной к ней организации». Н. К. Никольский требовал вернуть эту штатную единицу КПДЛ и огорчился, что она не включена в план 1934 г., однако в ней более нуждалась КТБ, также входящая в состав ОДЛ. Ведь в ней работали внештатно все те же члены отдела. По этому поводу В. Н. Перетц замечал: «Что же касается должности научного сотрудника для КТБ, то вполне естественно, что отдел, обязанный следить за тем, чтобы интересы всех его комиссий были обеспечены сметой, при возможности получить только одного нового сотрудника, назначает его для той комиссии, которая в настоящее время не имеет ни одной штатной единицы, а не для той, которая все-таки обслужена двумя». Поэтому В. Н. Перетц предполагал обратиться к администрации института с просьбой, «чтобы 2 работника были даны отделу с 1 января 1934 г. ввиду развертывания им работы: отсутствие работников срывает план».

Конечно, эта разница взглядов на то, как должна строиться работа по изучению древнерусской литературы в Академии наук, была вызвана вовсе не личными взаимоотношениями ученых. Дело в другом. Н. К. Никольский при своей огромной эрудиции и доскональном знании древних рукописей не видел во всем богатстве древнерусской письменности системы литературных фактов и событий и не воспринимал, по-видимому, историю древнерусской литературы как историю развития определенных жанрово-стилистических явлений. «Картотека Никольского», хранящаяся ныне в Рукописном отделе БАН, содержащая наиболее полные сведения о древнерусских рукописях и их переписчиках, не потеряла своего научного значения, и ею пользуется уже не одно поколение исследователей.

История КПДЛ и подготовленных ею материалов в виде картотеки подробно освещается в справке об Отделе древнерусской литературы, составленной его председателем А. С. Орловым,¹⁸ и в машинописном отчете о работе ОДЛ в 1937 г.,¹⁹ без подписи, но, по-видимому, составленной также А. С. Орловым, так как он хранится в его фонде. В справке говорится: «До мая 1936 г. при ОДЛ находилась Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ). Задача этой комиссии — собрать исчерпывающие сведения о всех рукописных памятниках древнерусской книжности, включая сюда и сведения о литературных памятниках. Используя печатные описания рукописных собраний, комиссия предпринимает описание неописанных рукописных фондов. В итоге работы в картотеке комиссии должны быть собраны сведения о всех сохранившихся списках каждого литературного памятника. Кроме того, комиссия предполагала взять на себя подготовку копий с рукописных списков литературных памятников, которые намечались к изданию ОДЛ. Комиссия имела кроме председателя (акад. Н. К. Никольского)

¹⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), л. 19. Машинопись.

¹⁹ ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 39.

двух штатных сотрудников — Н. Н. Зарубина, М. Н. Куфаева». «За время до 1932 г., — писал А. С. Орлов в отчете, — КИДЛ выпустила лишь один том серии „Памятники древнерусской литературы“, но сосредоточила свое внимание на составлении картотеки „Рукописной книжности древнерусских библиотек“. В картотеку, по мысли Н. К. Никольского, должны были войти сведения о всех сохранившихся рукописных книгах XI—XVIII вв. После присоединения в 1932 г. КИДЛ к Институту русской литературы комиссия вошла в состав Отдела древнерусской литературы, но фактически продолжала вести работу вполне автономно, не считаясь с плановыми задачами отдела. Комиссия имела свой план, не зависящий от плана отдела. Система работы в комиссии всецело определялась взглядами на ее задачи акад. Никольского, и по-прежнему все силы сотрудников употреблялись на пополнение картотеки». Далее А. С. Орлов подробно изложил положение дел с картотекой КИДЛ (картотекой Никольского). После смерти акад. Н. К. Никольского (25 марта 1936 г.), по постановлению комиссии, созданной для распределения между учреждениями Академии наук его рукописного и книжного наследия, из библиотеки академика, составлявшей собственность Академии наук (за много лет до смерти Никольский сам передал ее туда), должны были быть выделены книги по древнерусской и славянским литературам и переданы Отделу древнерусской литературы ИРЛИ «для образования в нем кабинета древнерусской литературы». Кроме этих книг отделу полагалась и принадлежащая институту картотека КИДЛ. Обращаясь к заместителю директора ИРЛИ Ю. Г. Окману, А. С. Орлов писал 1 апреля 1936 г.:

«Отдел древней литературы просит принять меры к тому, чтобы в возможно более быстрый срок перевезти из Детского Села картотеку Комиссии по изданию памятников древней литературы. Эта картотека может быть размещена в библиотеке Института литературы, где немедленно будет начата работа по ее систематизации, крайне необходимая для очередной работы ОДЛ по созданию проспекта истории русской литературы эпохи феодализма.

При распределении книжного фонда акад. Н. К. Никольского ОДЛ просит сохранить для Института литературы все книги по истории древнерусской, славянских и византийской литератур, необходимые для организации кабинета древней литературы».²⁰

Почти все уже было перевезено, но 19 мая 1936 г. пришло телеграфное распоряжение акад. Горбунова о передаче всей библиотеки акад. Никольского и картотеки КИДЛ в БАН. Рассказывая далее о сложностях пользования картотекой в БАН, А. С. Орлов пишет о том, как научного сотрудника ОДЛ В. Ф. Покровскую, преодолевшую противодействие сотрудников БАН и все же работавшую с картотекой в Рукописном отделе библиотеки, остановили для проверки сделанных ею выписок. Руководством библиотеки В. Ф. Покровской было запрещено вынести эти записи из помещения Рукописного отдела.

Итак, документы свидетельствуют, что уже весной 1932 г. отдел существовал как самостоятельная единица и не просто формально существовал, но начал целенаправленно и интенсивно работать. Как показывают материалы ААН, уже 17 апреля 1932 г. состоялось заседание Отдела древнерусской литературы, на которое был приглашен Н. К. Никольский (приглашение содержится в записке, подписанной А. С. Орловым). Заседания состоялись также 9 и 29 мая. На последнем обсуждался доклад М. Я. Яковлева о проблеме литературных заимствований. «С самого начала, — вспоминает Д. С. Лихачев, — отдел стал центром изучения древнерусской литературы, в работе которого на общественных началах принимали участие все ленинградские и московские специалисты. На заседания отдела приходили не только его сотрудники (А. С. Орлов, В. П. Адрианова-

²⁰ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19, л. 15.

Перетц, И. П. Еремин, М. О. Скрипиль, В. Ф. Покровская и Д. С. Лихачев), но и все, кого интересовала древняя русская литература, начиная от студентов и кончая академиками. . .» (Л и х а ч е в Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 3). Реорганизацию Комиссии по древнерусской литературе с ее двумя подкомиссиями в Отдел древнерусской литературы ИРЛИ, которую акад. Никольский считал губительной для КПДЛ, акад. А. С. Орлов в отчете за три года работы отдела (с 1931 по 1934 г.) называл плодотворной. Несмотря на прежнее количество штатных единиц (в 1931 г. в КПДЛ их было три, затем, в 1932 и 1933 гг., — две и с 1 февраля 1934 г. — снова три: это М. Н. Куфаев, Н. Н. Зарубин, В. Ф. Покровская; М. Н. Куфаев был уволен, затем восстановлен), отдел повысил свою продуктивность, как это видно из числа выпущенных им изданий. «Сохраняя в своих исследовательских и библиографических предприятиях преемственную связь с КДЛ, — указывал А. С. Орлов, — ОДЛ в последние три года соотносит свои производственные планы с общими задачами, выдвигаемыми ИРЛИ в целом».²¹

В 1932 г. была утверждена новая редакция Положения об Институте русской литературы, по которой научно-исследовательский сектор, переименованный так из историко-литературного, разделялся на два основных отдела: 1) древнерусской литературы и 2) новой русской литературы.²²

Итак, Отдел древнерусской литературы начинает работать как единое целое с 1932 г. Уже осенью этого года у А. С. Орлова возникает замысел написания «Истории русской литературы», осуществлению которого он хочет подчинить все научные усилия сотрудников отдела. 30 сентября 1932 г. он писал непременно секретарю Отделения общественных наук акад. А. Н. Самойловичу в связи с составлением планов научной работы на вторую пятилетку: «Мне кажется, что на 2-е пятилетие в области изучения древнерусской литературы необходимо усилить именно методологическую сторону работы, бывшей до сих пор по преимуществу источниковедческой и библиографической. Во 2-й пятилетке необходимо, наконец, создать схему общей композиции истории русской литературы эпохи феодализма (в отрезке от XI до 1/2 XVIII в.) на основе марксистской методологии. . . Я категорически возражаю против мнения, что еще не наступило время для осуществления общей композиции истории древнерусской литературы, потому будто бы, что не все памятники этой литературы вскрыты и исследованы. . .».²³

То, что отдел как научная организация существовал начиная со второй половины 1932 г., доказывают материалы ААН 1933 г. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что уже в марте, ноябре и декабре проходили научные заседания отдела (на самом деле они, очевидно, устраивались чаще). Постоянными участниками дискуссий и слушателями докладов в это время были А. С. Орлов, В. Н. Перетц, В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, Д. В. Айналов, Н. Н. Зарубин, С. А. Щеглова, В. Ф. Покровская, Н. К. Никольский, В. В. Майков, П. Н. Берков, П. К. Симоны, М. А. Яковлев. Осенью в отделе появляются два аспиранта — И. Шиманов и Н. И. Тарасов.

Сохранились ответы на запрос председателя ОДЛ А. С. Орлова о возможных докладах на заседании отдела в 1934 г. Почти все заявленные доклады, как видно из протоколов заседаний и повесток, состоялись.²⁴ Сохранился отчет акад. А. С. Орлова о выполнении отделом рабочего плана 1933 г. и план работы на 1934 г., а также объяснительная записка руководству Академии наук по поводу плана работы всего института на 1934 г. В ней говорилось: «Отдел древней литературы концентрирует

²¹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 16, л. 17.

²² См.: Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 79—80.

²³ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 6, л. 31.

²⁴ Там же, № 16, л. 1—2.

свое внимание на изучении воинских повестей, пародийно-сатирической и драматической литературы под углом зрения построения основных линий новой марксистской композиции истории литературы». Конкретно это должно было выразиться в «теоретической работе по проблеме заимствования, в окончании работ по московским воинским повестям, в исследовании и подготовке к изданию памятников пародийно-сатирической литературы, в подготовке к изданию корпуса драматических произведений XVII—XVIII вв. доклассической традиции». Предполагалась также серьезная работа по подготовке к изданию библиографии по древнерусским повестям.²⁵

В уже упомянутом отчете ОДЛ за 1931—1934 гг., составленном акад. С. А. Орловым, говорилось (с учетом научной терминологии своего времени): «. . .имея главной целью подготовку материала для построения истории литературы с XI по XVII век на основах марксо-ленинской методологии, ОДЛ планирует свою работу в трех направлениях: 1) обсуждает в докладах и печатных статьях вопросы марксо-ленинской методологии в применении к памятникам литературы эпохи феодализма и схемы периодизации истории литературы этого времени; 2) исследует памятники, не вошедшие до сих пор в историю литературы, недостаточно изученные и особенно ярко отражающие моменты классовой борьбы в эту эпоху; 3) ведет библиографическую работу по выявлению наличности рукописного материала и подводит итоги исследовательской и издательской деятельности в области древнерусской литературы в прошлом».²⁶ Итогом работы ОДЛ за три года явились следующие издания (учтены и внештатные авторы).

1. Труды Комиссии по древнерусской литературе. 1 (1932. 216 с.);
2. Труды Отдела древнерусской литературы. 1 (1934. 359 с.);
3. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова (1934. 594 с.);
4. В. Н. Перетц. «Рукописи библиотеки Московского университета, Самарских библиотеки и музея и минских собраний» (1934. 193 с.);
5. М. Н. Сперанский. «Новгородские повести» (1934. Научно-популярная серия);
6. А. С. Орлов. «Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв.» (1934. 169 с.);
7. В. Н. Перетц. «Выставка массовой русской литературы XVIII в. Путеводитель» (1934. 27 с.).

В октябре 1934 г. сдан в печать 2-й том ТОДРЛ (23 а. л.).

К 1934 г. в отделе определился круг исследований по древнерусской литературе. Сохранился проект положения о научно-исследовательской работе Института русской литературы, составленный в 1934 г. Ю. Г. Оксманом, бывшим тогда одним из заместителей директора. Об ОДЛ в этом проекте говорится:

«Отдел древней литературы (эпоха раннего феодализма XI—XVII вв.) распадается на группы:

1. Группа изучения повести и драмы.
2. Группа изучения пародийно-сатирической литературы».

«При отделе, — говорилось далее, — состоят две комиссии:

1. Комиссия по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы.
2. Комиссия по составлению толковой библиографии».²⁷

Если учесть, что в это время штатными сотрудниками отдела были всего несколько человек (А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, В. Н. Перетц, В. Ф. Покровская, И. П. Еремин (аспирант)), то очевидно, что работу

²⁵ См.: Там же, № 16, л. 54.

²⁶ Там же, л. 17.

²⁷ Там же, № 16, л. 46.

в обеих группах и комиссиях приходилось вести почти всегда одним и тем же сотрудником. Активное участие в работе отдела принял В. Л. Комарович: осенью 1934 г. он выступил с докладами на тему «Реальный субстрат легендарного града Китежа (по данным летописи)».²⁸

После выхода в свет 1-го тома ТОДРЛ разгорелись споры вокруг принципов издания древнерусских текстов. Поводом явилась напечатанная в этом томе рецензия В. Н. Перетца на работу Н. Н. Зарубина «Слово Даниила Заточника». Н. Н. Зарубин, ученик акад. Н. К. Никольского, издал памятник, пользуясь принципом, которым руководствовались многие его предшественники, по древнейшим и потому уже, как они считали, лучшим спискам, не изучая путем тщательного текстологического сопоставления списков всю литературную историю памятника. Эта рецензия В. Н. Перетца вызвала возражения Н. К. Никольского. Он написал письмо на имя А. С. Орлова, где выступил против выработанной В. Н. Перетцем и его учениками методики издания древнерусских текстов. Сохранились черновики этого письма, в котором, в частности, говорилось: «Издания текстов по лучшим и древнейшим спискам без так называемых исследований не только не отжили свой век, но являются предприятиями большинства академий наук (например Берлинской, Венской и др.) и научных учреждений, и это делается не без оснований».²⁹

Однако мнение Н. К. Никольского, как известно, не вызвало поддержки со стороны редколлегии Трудов, так как методы издания, применяемые В. Н. Перетцем, были научно обоснованы.

В 1934 г. отделом в большом объеме планировалась и так называемая научно-вспомогательная работа. Комиссия по учету памятников литературы (так иногда в документах называется КПДЛ Никольского) планировала: 1) продолжение подготовки издания «*Bibliotheca sloveno-rossica*» (до 10 а. л.); 2) продолжение учета и библиографирования сохраняющихся в рукописях литературных памятников (до 2500 карточек); 3) продолжение подбора и библиографического комментирования памятников (сырого материала) по темам научно-исследовательской работы ОДЛ; 4) пополнение, систематизацию и вообще ведение специальной картотеки комиссии.³⁰

Комиссия по составлению толковой библиографии предполагала продолжить в 1934 г. библиографирование периодических изданий (до 20-ти), систематизацию, пополнение и подготовку к печати библиографии русских повестей до XVIII в. включительно, развернуть начальные работы по подготовке библиографии «русской драмы доклассической традиции». Особое внимание уделялось отделом важной в то время задаче подготовки кадров. Систематические занятия с аспирантами по древнерусской литературе, языку и палеографии проводились акад. А. С. Орловым и В. Н. Перетцем, по русскому фольклору — В. П. Адриановой-Перетц. Число аспирантов решено было увеличить в 1934 г. до трех человек. Однако сделать это не удалось. В записке А. С. Орлова (1936 г.) говорилось: «Выпуская к январю 1937 г. своего единственного аспиранта, ОДЛ, крайне нуждающийся в пополнении своего состава молодыми квалифицированными научными силами, находит необходимым, чтобы за ним было закреплено не менее двух вакансий для аспирантов-докторантов».³¹

²⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), л. 136.

²⁹ ААН, ф. 247, оп. 2, № 59, л. 8—9. — В архиве Н. Н. Зарубина, неправо найденном А. Г. Тимофеевым, сохранилось ходатайство Н. К. Никольского от 17 декабря 1935 г. о присвоении Н. Н. Зарубину ученой степени доктора литературоведения («*Honoris causa*»), в котором Н. К. Никольский также полемизирует с В. Н. Перетцем. Существовал и ответ самого Н. Н. Зарубина на рецензию В. Н. Перетца, предназначенный, по свидетельству Н. К. Никольского, для 3-го тома ТОДРЛ, однако он не был напечатан. За эти сведения и возможность ознакомиться с архивом Н. Н. Зарубина благодарю А. Г. Тимофеева.

³⁰ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), л. 48—48 об.

³¹ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19.

В это же время отдел включается в подготовку работы по созданию учебника по древней русской литературе для вузов. Написание разделов учебника осуществлялось позже, но уже 16 февраля 1934 г. А. С. Орлов послал в Учпедгиз письмо с просьбой учесть работу Отдела древнерусской литературы ИРЛИ:

«Узнав о подготовке Вашим Издательством стабильных учебников для вузов по русской литературе эпохи феодализма, я считаю необходимым указать, что в Институте русской литературы Академии наук СССР под моим руководством работают отделы древнерусской литературы и литературы XVIII века, и поставить вопрос о том, что было бы целесообразно в интересах дела согласовать содержание учебников с этими отделами ИРЛИ». ³²

На рабочем заседании ОДЛ 27 декабря 1934 г. по предложению А. С. Орлова постановили впредь печатать в Трудах ОДЛ протоколы заседаний с подробным изложением докладов и прений.

В 1935 г. на заседаниях отдела более или менее постоянно присутствовали и принимали участие в обсуждении докладов А. С. Орлов, В. В. Майков, М. О. Скрипиль, В. Г. Чернобаев, В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович, Д. В. Айналов, И. П. Еремин, В. П. Адрианова-Перетц, В. Ф. Покровская, Н. Шиманов, В. В. Гейман, Н. Ф. Бельченко, Е. А. Рыдзевская, Н. Н. Зарубин, М. П. Алексеев, П. К. Симони, П. Н. Берков, Н. П. Колпакова. Определились и основные темы исследований отдела в зависимости от того, какой проблемой, каким материалом занимались сотрудники. Это — «Повесть о Савве Грудцыне» (во всех аспектах) у М. О. Скрипиля, сочинения Ивана Вишенского — у И. П. Еремина, сатирическая литература XVII в. и библиография древнерусской литературы — у В. П. Адриановой-Перетц, древнерусское изобразительное искусство и его связи со средневековой литературой — у Д. В. Айналова, польская литература XVII—XVIII вв. — у В. Г. Чернобаева, летописание (историческое повествование) и «Китежская легенда» — у В. Л. Комаровича, ³³ демократическая литература XVII—XVIII вв. и библиография древнерусской повести — у В. Ф. Покровской. Сохранился документ, ³⁴ сообщающий о том, что в 1935 г. Н. К. Никольский поручил М. В. Щепкиной и Е. П. Борисовой — сотрудницам Рукописного отдела ГИМа — составить полный карточный каталог: 1) пергаменных рукописей; 2) датированных рукописей по всем собраниям, хранящимся в ГИМЕ.

В письме В. П. Адриановой-Перетц от 7 апреля 1936 г. М. В. Щепкина сообщила, что осенью 1935 г. Н. К. Никольскому были отправлены 500 карточек для каталога, а еще 500 были изготовлены к 1 января 1936 г., но не отосланы в Ленинград, а оставлены в Москве, в Рукописном отделе ГИМа. В 1936 г. было написано еще около 140 карточек, которые также не посылались Н. К. Никольскому. М. В. Щепкина интересовалась судьбой отосланных карточек и задавала вопрос, куда отослать уже готовые. Таким образом, работа по описанию рукописей продолжалась.

«Конституция» ИРЛИ 1936 г. подтверждала существование ОДЛ в составе научно-исследовательского сектора. Она утверждала председателем отдела А. С. Орлова, ученым секретарем — Адриановой-Перетц. ³⁵

³² ААН, ф. 150, оп. 1 (1933), № 16, л. 37. Машинопись.

³³ 21 марта и 3 апреля 1935 г. В. Л. Комаровичем были прочитаны соответственно два доклада: «Опыт изучения местной легенды (Китежская легенда)» и «Редкий случай устной и письменной традиций».

³⁴ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19, л. 26—27.

³⁵ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 3. «С момента образования Отдела древнерусской литературы в Пушкинском Доме, — пишет Д. С. Лихачев, — она (В. П. Адрианова-Перетц. — М. Р.) была фактически его руководителем, ведя на правах секретаря всю организационную работу при заведующем — академике А. С. Орлове, привлекая докладчиков, выполняя техническую работу по созыву совещаний, по составлению и редактированию „Трудов Отдела древнерусской литературы“» (Лихачев Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 3).

В 1936 г. замысливается издание неопубликованных работ, а также переиздание старых трудов ученых-предшественников. Так, В. П. Адрианова-Перетц готовит к печати часть оставшихся неизданными материалов А. А. Шахматова о «Повести временных лет»,³⁶ а А. С. Орлов предлагал переиздать работы А. И. Лященко об исследованиях былинного эпоса и разысканиях о летописных преданиях. Планировалось издание книги «Советское литературоведение за 20 лет», в которой большое место отводилось обзору итогов изучения древнерусской литературы.³⁷

В 1936 г. начинается планомерная работа над «Историей русской литературы» в 10-ти томах. В 1937 г. был разработан подробный план этого издания и сформирован коллектив работников.³⁸

«Тесно связано с замыслом „Истории русской литературы“ все предвоенное развитие исследований по древнерусской литературе, заключающееся как в разыскании, изучении, публикации памятников, так и в историко-литературном и теоретическом осмыслении литературного процесса средневековья».³⁹

Все второе полугодие 1937 г. — это работа над составлением плана и обсуждение первых очерков для «Истории русской литературы».⁴⁰ И хотя в отчете о работе за 1937 г. А. С. Орлов отмечал, что «перед отделом стоит трудная задача — создание „Истории русской литературы“, из частных тем, сокращенных до минимума, в плане все же были сохранены те, «разработка которых необходима для заполнения существенных пробелов в литературоведении».⁴¹

С 1937 г. секретарем издания учебника по истории русской литературы и «Истории русской литературы» на договорных началах работает Д. С. Лихачев.

По теме «Переводная и оригинальная повесть XII—XVIII вв.» были написаны статьи А. С. Орловым, Д. В. Айналовым, М. О. Скрипилем, В. Ф. Покровской. Кроме того, В. Ф. Покровская продолжила работу над монографией «Рукописная повесть и роман XVIII в.».

По теме «Старинный театр и драматургия» И. П. Еремин подготовил статью «Народная драма „Царь Ирод“» (включена в 6-й том ТОДРЛ) и начал работу над научно-популярным очерком «Русский народный театр». В 1937 г. были подготовлены главы «Петрушка на Украине и в Белоруссии» и «Сценические эффекты народного театра».

По теме «Библиография древнерусской литературы» акад. А. С. Орлов подготовил статью «Изучение древнерусской литературы в 1917—1937 гг.» (включена в общеакадемический сборник «Наука в СССР за 20 лет»).

В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская подготовили аннотированную библиографию изданий и исследований по древнерусской литературе за 1917—1937 гг.

В 1937 г. отделом были напечатаны книги: А. С. Орлов. «Древняя русская литература XI—XVI вв.» (М.; Л., 1937); В. П. Адрианова-Перетц. «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.» (М.; Л.,

³⁶ См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. См. также: Насонов А. Н. О неизданной рукописи А. А. Шахматова «Обзорение летописных сводов» // Проблемы источниковедения. Л., 1936. Сб. 2, кн. 2. — Сохранилось письмо В. П. Адриановой-Перетц к Б. Д. Грекову, в котором она узнавала, не собирается ли Институт истории, где хранились материалы А. А. Шахматова, сам их издавать. В случае, если такое издание не намечалось, она предлагала издать эти материалы в ОДЛ (ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19).

³⁷ ААН, ф. 150, оп. 1 (1936), № 19.

³⁸ См. подробнее: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 41—43.

³⁹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом: Исторический очерк. С. 88.

⁴⁰ См. протоколы заседаний ОДЛ от 3 июня, 3, 11, 15, 27 октября, 11 ноября (формируется план работы на 1938 г., выносится постановление: работать над первым полутомом «Истории русской литературы» — XI—XV вв.), 1 и 27 декабря 1937 г. (ААН, ф. 150, оп. 1 (1937), № 27).

⁴¹ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 39.

1937). Сдана в печать рукопись А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XII—XV вв.». Подготовлены к печати следующие издания: 1) ТОДРЛ. Т. 4; 2) Библиография древнерусской повести (XII—XVII вв.) / Под ред. А. С. Орлова; подгот. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская.

1938 год ознаменовался сдачей в печать 1-го тома «Истории русской литературы» (XI в.—1220-е гг.).⁴² Кроме того, среди других работ — статей в учебник по истории русской литературы, подготовки «Библиографии древнерусской повести» — важным событием был 750-летний юбилей «Слова о полку Игореве». Была подписана к печати книга А. С. Орлова «Слово о полку Игореве», а 22—27 мая 1938 г. в Пушкинском Доме прошла юбилейная сессия. 3 апреля состоялось специальное заседание ОДЛ, где обсуждались вопросы ее подготовки.⁴³

Программа юбилейных мероприятий, предложенная ученому совету ИРЛИ, была такова.

1. Доклады в Москве и Ленинграде.

Акад. А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве» и основные проблемы его изучения.

Акад. Б. Д. Греков. Историческая эпоха «Слова».

Чл.-кор. Н. К. Пиксанов. «Слово» и фольклор.

И. П. Еремин. «Слово» в русской, украинской и белорусской художественной литературе XIX—XX вв.

Проф. А. А. Смирнов. Переводы «Слова» на западноевропейские языки.

Н. С. Тихонов. «Слово» и его эпические параллели (Песнь о Роланде, Фирдоуси, Руставели).

2. Выставка в конференц-зале ИЛИ «„Слово о полку Игореве“ в науке и искусстве».

3. Художественная часть — исполнение отрывков из оперы Бородина «Князь Игорь».

4. Издания:

А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве» / Исслед., текст и перевод. Сборник докладов.

Полная аннотированная библиография изданий, переводов и исследований «Слова о полку Игореве». 1800—1938 / Сост. В. П. Адрианова-Перетц.

В 1938 г. на заседаниях Отдела древнерусской литературы присутствуют: Д. В. Айналов, П. К. Симоны, П. Н. Берков, В. Л. Комарович, М. О. Скрипиль, Е. В. Вальденберг, Ю. В. Панышева, А. И. Никифоров, Ростовская, Телентюк, Е. А. Рыдзевская, М. А. Яковлев, М. С. Боровкова-Майкова, В. И. Малышев. Для работы над «Историей русской литературы» кроме штатных сотрудников были привлечены: К. В. Кудряшов, С. К. Шамбинаго, С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий, А. И. Васильев, В. Л. Комарович, М. Д. Приселков, Н. Н. Воронин. Сохранились письма к ним за подписью А. С. Орлова и ученого секретаря ИЛИ Ф. Ф. Канаева с просьбой принять участие в издании.⁴⁴

⁴² См. отчет отдела (ААН, ф. 150, оп. 1 (1938), № 13, л. 1).

⁴³ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1938), л. 4—4 об.

⁴⁴ Там же, № 42, л. 34—39. — Но именно В. П. Адрианова-Перетц создала квалифицированный авторский коллектив «Истории». «Как ученый со специфическим складом ума — умением мыслить конкретно, — пишет Д. С. Лихачев, — Варвара Павловна хорошо знала цену живой связи наук, посвященных одному объекту — Древней Руси. Поэтому она охотно приглашала во все коллективные труды не только литературоведов-медиевистов, но и историков, искусствоведов, лингвистов, источниковедов и т. д. Так, в тринадцатитомной „Истории русской литературы“ — в тома, посвященные древнерусской литературе, — она пригласила участвовать наиболее замечательных из живших тогда русских историков — М. Д. Приселкова и Б. А. Романова, лучших специалистов по древнерусскому искусству — Д. В. Айналова и Н. Н. Воронина, крупного источниковеда Б. М. Боровского» (Лихачев Д. С. В. П. Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Т. 29. С. 5).

Начиная с зимы 1938 г. на заседаниях ОДРЛ обсуждаются отдельные главы для будущей «Истории». Так, 31 января обсуждалась работа В. П. Адриановой-Перетц о библейских сказаниях, 21 марта — глава И. П. Еремина «Оригинальная учительная литература Киевской Руси», 28 июня — глава А. С. Орлова о «Слове о полку Игореве», 5 сентября — две главы В. П. Адриановой-Перетц: «Апокрифические сказания» и «Христианская гимнография», 10 сентября — ее же раздел о сборниках морально-философских изречений, 19 и 22 сентября — работы М. А. Яковлева о начале христианства в Киевской Руси и о «Девгениевом деянии», 29 сентября — глава И. П. Еремина «Переводная учительная литература», 4 октября — глава В. Л. Комаровича об истории создания «Повести временных лет», 10 октября — глава С. А. Бугославского об оригинальных житиях киевского периода, 16 октября — глава В. П. Адриановой-Перетц «Летопись как памятник литературно-художественный», 25 октября — глава В. Ф. Покровской «Византийская историческая литература», 16 ноября — глава В. Л. Комаровича о «Поучении» Владимира Мономаха. Одновременно с работой по написанию «Истории русской литературы» шла работа и над учебником по истории русской литературы для высшей школы. Так, 16 декабря 1938 г. обсуждалась глава о русской литературе Киевского государства, написанная В. П. Адриановой-Перетц, а 19 декабря — глава об областных литературах XIII—XIV вв., подготовленная М. О. Скрипилем.

25 ноября 1938 г. секретарь отдела В. П. Адрианова-Перетц докладывала на общем заседании ОДРЛ о ходе работы над учебником. На том же заседании ею было рассказано о намечаемых на 1939 г. изданиях отдела, в частности о специальном сборнике статей по «Слову о полку Игореве» (куда не включались работы юбилейного характера). Собрание этого издания было поручено И. П. Еремину.

В 1938 г. был сдан в печать 1-й том «Истории русской литературы» (XI в.—1220-е гг.) объемом 30 а. л., а также подписаны к печати две книги: 1) «Библиография древнерусской повести. Вып. 1» (подгот. В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская); 2) «Библиография изданий, переводов, исследований „Слова о полку Игореве“» (подгот. В. П. Адрианова-Перетц).

Это итоги работы Комиссии по составлению толковой библиографии. Третья подписанная к печати книга — ТОДРЛ. Т. 4.

Личный состав Отдела древнерусской литературы на 1938 г. был следующим: зав. отделом — акад. А. С. Орлов, ученый секретарь — В. П. Адрианова-Перетц, старшие научные сотрудники — И. П. Еремин, В. Ф. Покровская и с 15 апреля 1938 г. — М. О. Скрипиль (см.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1938), № 13, л. 2), на договорных началах (а с 25 ноября 1938 г. в штате) Д. С. Лихачев.

Подводя итоги работы отдела в 1938 г., А. С. Орлов писал: «Главное внимание было уделено изучению древнерусской беллетристики . . . исследованию литературных памятников, особенно ярко отражающих классовую борьбу в изучаемую эпоху. ОДРЛ стремился монографическим изучением отдельных памятников или их групп заполнить „белые пятна“, которых так много оставило нам в области истории русской литературы средних веков дореволюционное литературоведение.

В соответствии с основным заданием в производственных планах ОДРЛ были выдвинуты четыре главные темы: „Древнерусская переводная и оригинальная повесть“, „Сатирическая литература“, „Старинный театр и драматургия“ и „Публицистическая литература средних веков“. Результаты отдельных работ по всем этим темам частью публикуются отделом в его „Трудах“ (вышло 3 тома, 4-й сдан в печать), частью составили содержание изданных монографий. Наибольшее внимание было сосредоточено на литературных явлениях XVII в. ввиду того, что именно в этом разделе истории русской литературы оказалось особенно много пробелов. Ори-

гинальная повесть и сатира XVII в. (работы М. О. Скрипиля, В. Ф. Покровской, С. К. Шамбишаго и В. П. Адриановой-Перетц) получили новое освещение и продемонстрированы на ряде новых памятников. Значительно углублено наше понимание текста „Слова о полку Игореве“ (в статьях акад. А. С. Орлова и чл.-кор. Д. В. Айналова). Пополнились сведения о старинном русском театре и его репертуаре (работы П. Н. Попова, В. П. Адриановой-Перетц), получили надлежащее осмысление некоторые публицистические произведения Древней Руси (работы И. П. Еремина и А. И. Некрасова), показан относительный параллелизм литературного процесса Киевской Руси современному ему западноевропейскому (статьи М. П. Алексеева и Е. А. Рыдзевской). В ряде своих работ (В. Ф. Покровской, В. П. Адриановой-Перетц) ОДРЛ стремится показать судьбу старой литературной традиции в рукописной и лубочной литературе XVIII в., готовя этим соответствующие разделы в истории литературы XVIII в., обычно совершенно обходящей эту „массовую“ литературу.

В 1936—1937 гг. ОДРЛ предпринял подготовку к печати неопубликованных работ покойного акад. А. А. Шахматова по истории русского летописания: исследование о составе летописных сводов XII—XV вв. и сохранившаяся в рукописи часть второго тома „Повести временных лет“ сданы в печать.

Стремясь довести до широких масс читателей достижения в области древнерусской литературы, ОДРЛ принимает участие в издании научно-популярной серии Академии наук. За минувшие годы акад. А. С. Орлов опубликовал в этой серии обзор переводных повестей XVI—XVII вв. и педагогический опыт изложения наиболее выразительных явлений древней русской литературы XI—XVI вв.

Параллельно научно-исследовательской работе ОДРЛ до начала 1936 г. Комиссия по подготовке и изданию памятников древнерусской литературы под руководством акад. Н. К. Никольского выявляла наличие рукописного материала по истории древнерусской литературы. После смерти акад. Никольского картотека комиссии, содержащая сведения о рукописных текстах литературных памятников XI—XVIII вв., перешла в Рукописный отдел Библиотеки АН СССР.

Учет изданий и исследований по истории древнерусской литературы пополнял библиографическую картотеку ОДРЛ, на основании материалов которой в ближайшем будущем сдается в печать подготовленный первый том „Библиографии древнерусской повести“.

Научно-исследовательская и библиографическая работа, которая велась ОДРЛ в течение четырех лет его существования, подготовила базу для выполнения основной задачи отдела — для создания „Истории русской литературы XI—XVII вв.“. В 1937 г. отделом разработан обстоятельный план этого издания и организован коллектив его исполнителей. К концу 1938 г. ОДРЛ обязуется представить на суд советского читателя первый раздел — „Историю литературы Киевского государства“.⁴⁵

К середине 1939 г. были закончены тома „Истории русской литературы“, посвященные средневековой литературе. В ААН сохранились отзывы А. С. Орлова (о третьем томе), В. А. Десницкого (о первой части второго тома), мнения Л. А. Плоткина и Н. К. Пиксанова, высказанные на обсуждении, рецензия на второй том М. Д. Приселкова.

Резко критический отзыв был написан акад. И. К. Лупполом и А. Н. Толстым. Они упрекали авторов в якобы недооценке самобытности и самостоятельности древнерусской литературы, в чрезмерном, с их точки зрения, увлечении «византийским влиянием», а также в расплывчатом понимании национальных особенностей культуры Древней Руси. На этот отзыв письменно ответили В. П. Адрианова-Перетц и А. С. Орлов, а также Н. К. Гудзий. Приведем некоторые тезисы из этих ответов.

⁴⁵ ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 41—43. Машинопись.

«Ответ на отзыв И. К. Луппола и А. Н. Толстого

А. С. Орлова и В. П. Адриановой-Перетц

23 XI 1939

. . . Резкость выражений . . . необоснованность выводов, построенных на произвольном истолковании выхваченных из контекста отдельных положений, оценка всего Введения вне связи с содержанием тома — все это превращает отзыв в рецензию, не помогающую в работе. . .

„Исторический очерк“, именуемый в рецензии „сухим“, должен дать в первую очередь политическую историю Киевской Руси, которая больше всего отражена литературой этого времени; без напоминания читателю, в надлежащем освещении, главных фактов этой истории непонятен будет и дальнейший анализ памятников, начиная с „Слова Илариона“ и кончая „Словом о полку Игореве“. . .

Статья об искусстве Киевской Руси . . . дает картину скрещения „разнообразных стилей“ на восточноевропейской равнине, явившегося результатом многообразных связей наших предков — с эллинской культурой, с востоком и юго-востоком Азии, Кавказом, Европой, Скандинавией. . . Статья . . . показывает полную аналогию процесса творческой переработки литературного и изобразительного материала, полученного Киевской Русью извне. Вместе с статьями о литературе она наполняет реальным содержанием тезис о прогрессивном значении принятия христианства и потому является необходимой в общей концепции 1-го тома.

О статье „Культурные связи Киевского государства“.

Нельзя ставить грань между политическими и культурными отношениями на том основании, что через 10 веков культурного материала об этих отношениях не сохранилось.

. . . Искажением исторической перспективы будет замалчивание некоторых фактов, сужение круга международных связей Киевской Руси. . .

Вопрос о встрече двух культур рецензенты неправильно переносят в плоскость оценки их сравнительной высоты.

В задачу литературоведа не входит изучение религиозного значения церковной литературы, но напомнить читателю, что эта литература формировала художественные вкусы средневекового книжника тем более необходимо, что в отличие от всех предшествующих „Историй древней русской литературы“ 1-й том нашего издания дает литературные характеристики тех церковных жанров, которые в обиходе литературоведов обычно фигурировали под именем „книжности“.

Из отзыва Н. К. Гудзия от 28 ноября 1939 г.: «Все изложение тома, в том числе и вступительные статьи, ставят себе задачей показать высоту культуры наших предков, нисколько не дискредитируемой тем, что русские на первых порах заимствовали чужие литературные богатства: народ ленивый и не любопытный не способен даже усваивать чужие ценности».

Из рецензии М. Д. Приселкова от 19 апреля 1940 г.: «Предложенный мне на консультацию по исторической части том „Истории древнерусской литературы“ (от начала XIII в. до конца XVI в.) должен прежде всего быть охарактеризован как большое научное достижение того ученого коллектива, который выполнил эту работу, и, в особенности, того редакторского руководства, которое наметило рамки темы и самый тип издания. Нет никакого сомнения, что это изложение захватит внимание широкого советского читателя, возбудит в нем живой интерес к прошлым судьбам Родины, многое уяснит ему из этого прошлого. Особенно нужно приветствовать это издание для молодых наших историков . . . перед нами правильно задуманная и увлекательно осуществленная работа, большое ученое достижение, большой вклад в дело нашей культуры».⁴⁶

⁴⁶ ААН, ф. 150, оп. 1 (1939), № 30.

В. А. Десницкий возражал против того, что в разных местах «Истории» много говорилось о летописании, и предлагал вынести эти характеристики в отдельную главу. Ответ редакции был следующим: «Ведь исторические-то повести почти все вынуты из летописных сводов и для должного понимания их общественно-политических и художественных (стилистических) особенностей совершенно необходимо показать отчетливо — и именно здесь же, а не где-то в особой главе, — в каком комплексе эти повести бытовали. В том и отличие нашего тома от предшествующих характеристик исторических повестей XIII—XV вв., что мы даем их не в отрыве от того целого, в каком они создавались и бытовали. . . И где же, как не во введении к главе об исторических повестях, должна идти речь о борьбе общественно-политических тенденций, отчетливей всего сказавшейся в летописании.

. . . Если отделить летописание от других видов областной литературы, цельность историко-литературной концепции разобьется и единство литературного процесса обнаружить не удастся».⁴⁷

В планах отдела на 1940 г. по-прежнему первое место занимала дальнейшая работа над «Историей русской литературы». Так, на заседании ОДРЛ 21 января 1940 г. М. О. Скрипиль ознакомил собравшихся с написанной им главой «Легенда об Унженском кресте и Повесть о Юлиании Лазаревской». При обсуждении доклада В. Л. Комарович отметил: «В Повести об Юлиании основное достоинство — портретные черты самой героини. Ценность этого портрета (портретами бедна русская литература) необходимо особо подчеркнуть».⁴⁸ 27 февраля И. П. Еремин выступил с докладом о поэзии XVII в., в марте М. О. Скрипиль доложил о своих наблюдениях над «Синодиком», В. Ф. Покровская — над переводами с белорусского в первой половине XVII в. 9 мая С. К. Шамбинаго выступил с докладом «Повести о тверском Отроче монастыре и о начале Москвы», 15 мая — В. П. Адрианова-Перетц с изложением «Введения к литературе первой половины XVII в.», 27 мая — И. П. Еремин с докладом о театре XVII в. Все эти доклады были прочитаны по материалам, предназначенным для 2-го тома «Истории русской литературы».

Итоги работы над ним в первом полугодии обсуждались на заседании 9 июня 1940 г. Первая часть 2-го тома была готова для обсуждения на ученом совете 21 июня.

Во втором полугодии 1940 г. продолжалось обсуждение глав для второй части 2-го тома. Так, 26 сентября В. П. Адрианова-Перетц представила на обсуждение главу «Введение к литературе 1-й половины XVII в.», существенных замечаний по которой сделано не было (как отмечено в протоколе), 10 октября проф. В. Е. Вальденберг прочитал главу о публицистике второй половины XVII в., 17 октября И. П. Еремин — главу о старобрядческой литературе XVII в. (Епифаній, тема об Антихристе, «Отрагительное писание» Ефросина), 24 октября выступил В. Ф. Ржига с обсуждением главы о «Повести о Горе-Злочастии», 31 октября — Д. С. Лихачев с докладом о новгородско-псковской литературе времени Смуты. В течение ноября и декабря 1940 г. обсуждались главы по темам: «Смутное время в литературных памятниках времен Василия Шуйского» (В. Л. Комарович), «Украинское влияние в русской литературе XVII в.» (И. П. Ере-

⁴⁷ Там же. — Вспоминая о работе над «Историей русской литературы», Д. С. Лихачев пишет: «Мы в Отделе приступили к написанию первых двух томов десятитомной „Истории русской литературы“. Здесь мне пригодились мои старые мечты о создании настоящей истории русской литературы XI—XVI вв., интерес к летописанию и искусству Древней Руси. Я стал редактировать и писать. В первом томе параллельно готовившегося учебника для вузов „История русской литературы“ я писал разделы по истории русского искусства (моя идея) и написал их от XI до XVIII века включительно. Получилась миниатюрная история русского искусства, связанная с историей русской литературы» (Л и х а ч е в Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 32).

⁴⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1940), № 23, л. 1 и след.

мин), «Сибирское летописание» (Д. С. Лихачев). В работе ОДРЛ, как и в первые годы, по-прежнему активно участвуют не только литературоведы, но и историки, историки искусства, археологи — круг людей, занимающихся культурой Древней Руси. Часто с докладами и статьями в Трудах ОДРЛ выступал искусствовед проф. Д. В. Айналов, главы о древнерусском искусстве (зодчестве, живописи, прикладном мастерстве) в «Истории русской литературы» были написаны и обсуждались на заседаниях отдела Н. Н. Ворониным. Один из отзывов на первый и второй тома был написан М. К. Каргером.⁴⁹ Поэтому следует отметить, что помимо основной работы над «Историей русской литературы» — обсуждения ее отдельных глав — осенью 1940 г. на заседании отдела обсуждался доклад историка проф. Б. А. Романова «Древнерусский книжечий», построенный на анализе текста «Моления Даниила Заточника». Необычная для ученого «художественная» подача материала (автор доклада основывался на текстах, изданных Н. Н. Зарубиным, и признавался, что сама литературная история памятника его не интересовала), своя, личностная, точка зрения на исторические факты вызвала, как можно судить по сохранившемуся в ААН протоколу заседания, большой интерес и дискуссию. Этот доклад лег в основу большой работы Б. А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» (М.; Л., 1966). Д. С. Лихачев вспоминает: «Начиная с конца 30-х годов, Б. А. Романов постоянно бывал на заседаниях Сектора древнерусской литературы, принимал участие в обсуждении его работы, печатно выступал с рецензиями на издания сектора, участвовал в работе серии „Памятники литературы“ и охотно консультировал молодых специалистов сектора по вопросам древнерусской истории».⁵⁰

В 1940 г., одновременно с подготовкой «Истории русской литературы», выдвинулась и другая задача: составление теоретического сборника по древнерусской литературе. Этот сборник должен был быть посвящен проблеме влияний и взаимодействий в литературе.⁵¹ Было определено примерное содержание сборника, включающее следующие темы: 1) Народность в древней русской литературе. Своеобразие в связи с влияниями (А. С. Орлов); 2) Фольклор и древняя русская литература (М. О. Скрипиль); 3) Проблема западноевропейских влияний (И. П. Еремин); 4) Византийское влияние в древнерусской литературе (В. Ф. Покровская); 5) Проблема литературных взаимодействий (В. П. Адрианова-Перетц); 6) Древнерусская литература и изобразительные искусства (вопрос об их взаимодействии) (Д. С. Лихачев). Редакторами такого сборника предполагались А. С. Орлов и В. П. Адрианова-Перетц. В предварительном проекте плана работы на 1940 г., составленном, по всей вероятности, А. С. Орловым, сказано, что сборник должен быть посвящен «в конечном счете (как вывод из всех статей) — проблеме народности в древнерусской литературе».⁵²

Уже по названию предполагаемой статьи А. С. Орлова видно, что вопрос о том, в чем же заключается своеобразие древнерусской литературы, он связывал прежде всего с ее национальными особенностями.

Позже, в 1944 г., в неоконченном и неотправленном письме В. П. Адриановой-Перетц по поводу ее «Заключения» к двум томам «Истории русской литературы» А. С. Орлов писал из санатория «Боровое» (Казах-

⁴⁹ «Широкая связь с представителями разных наук была особенно важной в методологическом отношении. Эта связь позволила поставить изучение древней русской литературы на прочную историческую базу. Так, когда понадобилось перед войной выработать более детальную, чем было до того принято, периодизацию древнерусской литературы, историческая периодизация, положенная в основу литературной, сыграла свою существенную и положительную роль. Начинать с нее было во всяком случае необходимо» (Л и х а ч е в Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы // ТОДРЛ. Т. 29. С. 5).

⁵⁰ Л и х а ч е в Д. С. Борис Александрович Романов и его книга «Люди и нравы Древней Руси» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 495.

⁵¹ Предварительный проект плана см.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 48.

⁵² Там же.

ская ССР) в Казань: «Самое дорогое для меня в средневековой русской литературе — национальные черты, которые везде там, обычно покрытые коркой. Они везде таятся, их надо чуют и отыскать, и показать. А это тема особой, специальной работы, еще не начатой. „Образность“, „живой язык“, „фольклор“ и т. д. — собственно ничего не говорящие термины, подстановка слов вместо существа явлений народности. Если бы эта тема была разработана, ее выводы могли бы проходить нитью, скрепляющей любой синтез средневекового материала, ведущей из прошедшего в будущее, в наше время и далее. . .»⁵³

Очевидно, в те же дни А. С. Орловым были написаны заметки об этом «Заклучении». Они не закончены и представляют собой, видимо, только набросок рецензии. В них говорится: «Своеобразие русское получилось от синтеза ряда причин в их развитии. Если начать с нуля, трудно дойти до числа из единиц, до суммы».⁵⁴

Однако проблема народности в литературе была предметом намечавшихся исследований не только для сотрудников ОДРЛ. В 1940 г. предполагалось составление подобного теоретического сборника и по новой и новейшей литературе (см.: Предварительный проект к обсуждению на ученом совете от 4 ноября 1939 г. Главные работы).

В апреле 1940 г. в отделе был поставлен на обсуждение доклад А. С. Орлова «Особенности средневековой литературы как тема для теоретической работы ОДРЛ». К докладу А. С. Орлов подготовил тезисы, которые предлагались заранее для обсуждения (их 11), и приложение-перечень важнейших, с его точки зрения, особенностей средневековой литературы (по русскому материалу).

Вопрос об особенностях русской средневековой литературы был поднят А. С. Орловым раньше — в статье «К изучению средневековья в русской литературе»,⁵⁵ в которой автор подчеркивал, что «средневековье» — понятие не только хронологическое, а знаменующее особую фазу в развитии общества как явление, заполненное определенным идеологическим содержанием, обладающее определенными особенностями.

«Средневековье как культурно-литературная система, — сказал на обсуждении А. С. Орлов, — есть интернациональное общеевропейское явление. . . При определении границ русского средневековья следует учитывать, что отдельные признаки эпохи заходят обычно за ее грань. Можно кончать русское средневековье моментом европеизации при Петре I; можно отодвинуть границу в XVII в., когда через воздействие Украины и Белоруссии усваивался в некоторой степени европеизм; можно, наконец, остановиться и на рубеже XVI—XVII вв., когда события так называемого Смутного времени произвели ряд коренных изменений в общественной жизни. Но где бы мы ни поставили границу средневековья, несомненно, что пережитки его в литературе ощущаются еще и после Петра».⁵⁶ А. С. Орлов указал на необходимость сведения итогов наблюдений над сходством русских и западноевропейских литературных явлений, уже сделанных исследователями, на необходимость считаться при классификации литературных явлений с существующими в науке определениями жанра, сюжета, мотива и т. д. «Необходимо помнить, — сказал он, — что одна и та же литературная схема может то развиваться в целый сюжет, то оставаться лишь мотивом, вплетенным в другой сюжет». На этом же заседании А. С. Орлов поставил на обсуждение вопросы: 1) что дать в пер-

⁵³ ААН, ф. 763, оп. 2, № 15, л. 21 об. и след. — Датируется по сообщению А. С. Орлова в том же письме о посылке им в Казань в ответ на запрос И. И. Мещанинова отчета о работе за 1943 г.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Никитинские субботники. Сб. статей: Памяти П. Н. Сакулина. М., 1931. С. 186 — 194.

⁵⁶ См. протоколы заседаний от 3 и 9 апреля 1940 г. (ААН, ф. 150, оп. 1 (1940), № 23, л. 6). — Дальнейшие выступления цитируются по этим протоколам.

вый теоретический сборник — статью ли с предварительным перечнем средневековых особенностей русской литературы или только итоги изучения этого вопроса до его статьи 1931 г. включительно; 2) берется ли отдел за систематическую разработку темы о поэтике средневековья в целом.

При обсуждении доклада А. С. Орлова, его тезисов и перечня средневековых особенностей русской литературы В. П. Адрианова-Перетц отметила, что эстетика средневековья не была неподвижной, характерные признаки художественного мышления, поскольку оно нашло свое выражение в литературе, находились в постоянном движении. «Основной признак средневекового литературного выражения — схематизм — в той или иной мере вступал в противоречие с реализмом наблюдения, с конкретностью. Эта борьба схематичного и конкретного в литературе протекает неравномерно. . .» В своих более поздних работах В. П. Адрианова-Перетц развила эти мысли о «реалистичности» древнерусской литературы. В ответ же на доклад А. С. Орлова она подчеркнула, что «художественное выражение средневековой литературы должно изучаться в постоянной связи с приемами изобразительного искусства, особенно иконописи и миниатюры, и что поэтика средневековья должна изучаться коллективно».

На обсуждении было также высказано мнение, что преждевременно показывать в статье для теоретического общеполитического сборника намеченные в тезисах А. С. Орлова «признаки средневековья», так как они пока имеют вид эмпирически установленных фактов, не объясненных еще как один из элементов средневековой культуры, неподвижных и как будто одинаковых для всего средневековья.

На это В. П. Адрианова-Перетц отвечала, что такой перечень послужит своего рода «рабочей гипотезой для сотрудников, поможет им разобраться в специфике каждого жанра, периода, и несомненно найдет свое отражение в итогах всей работы».

По докладу А. С. Орлова выступил Д. С. Лихачев. Разобрав с методологической точки зрения каждую из выделенных докладчиком особенностей средневековой русской литературы, он предложил сделать ряд оговорок, а именно: «что понятие средневековой литературы мыслится в работе диалектически. . . как процесс, поэтому все „выделения“ и „пункты“ в данной работе условны; что в средневековой литературе могут доживать особенности предшествующих общественных формаций; что оговаривается отношение к средневековому фольклору, указывается на условности определения и сложности и противоречивости самого явления». «Средневековая литература, — говорил Д. С. Лихачев, — всюду и всегда выступает как сложное, противоречивое и развивающееся явление. Это должно быть основной идеей статьи в теоретическом сборнике, которой следует придать проблемный характер. Основная опасность такой работы — антидиалектичность и формализм».

М. О. Скрипилев высказал следующую мысль: «Наша задача: поставить литературные особенности средневековья в связь с средневековым мировоззрением и первое объяснить вторым. Затем — показать возникновение конкретного на общем (традиция и творчество)». План анализа, по предположению М. О. Скрипилова, мог быть таким: «Типология сюжетов. Устойчивые образы. Символика мотивов. Условная фразеология».

Задачи, поставленные докладом А. С. Орлова, не могли все же быть реализованы в ближайшие годы, так как у каждого сотрудника отдела была своя тема и индивидуальный план работы, связанные прежде всего с изданием и исследованием конкретных памятников литературы — летописей, исторических и сатирических повестей, повестей Петровской эпохи и др. Кроме того, необходимо было в первую очередь закончить написание «Истории русской литературы». Но тезисы доклада А. С. Орлова и в особенности мысли, высказанные при их обсуждении В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачевым, определили на будущее важнейшие пути

изучения поэтики древнерусской литературы, ее особенностей как литературы средневековой.

3 октября 1940 г. был утвержден план работы отдела на 1941 г., где как основные указывались следующие издания: 1) «История русской литературы» (окончательное завершение 2-го тома); 2) «Хрестоматия по древнерусской литературе», которая, как отмечалось в протоколе заседания, «мыслится отделом как продолжение предпринятого институтом цикла истории литературы, и содержание и объем ее должны соответствовать многотомной „Истории русской литературы“, т. е. составлять 3 тома (Киевский период, XIII—XV вв., XVI—XVII вв.), примерно по 30 печ. листов в каждом». В 1941 г. предполагалось выработать план «Хрестоматии» и подготовить к печати ее 1-й том (Киевский период). Намечалась подготовка 6-го тома ТОДРЛ и монографических работ: 1) А. С. Орлов. «Письмо Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь» (5 а. л.); 2) М. О. Скрипиль. «Очерки по истории повести: Повесть о Петре и Февронии» (7 а. л.); 3) В. Ф. Покровская. «Переводные повести Петровской эпохи» (3 а. л.); 4) И. П. Еремин. «Проблемы барокко в русской литературе XVII века»; 5) Д. С. Лихачев. «Очерки Московской литературы XIV века»; 6) В. П. Адрианова-Перетц. «Рукописная новелла XVII—XVIII вв.».

1941 г. начался отчетом В. П. Адриановой-Перетц о работе «внештатного аспиранта» Д. С. Лихачева, завершившего работу над новгородскими летописями XII в. На том же заседании 2 января 1941 г. отделом было принято обязательство досрочно сдать в издательство после редакции первой части 2-й том «Истории русской литературы», а к 15 февраля — 1-й и 3-й тома.⁵⁷ Зимой и весной 1941 г. на заседаниях ОДРЛ кроме его сотрудников часто присутствуют Ю. В. Панышева, Л. Н. Шептаев, А. И. Никифоров, В. И. Малышев, а также В. Л. Комарович, Б. А. Романов, Н. Н. Воронин. По-прежнему обсуждаются на открытых заседаниях окончательные редакции глав для «Истории русской литературы», ежемесячно проверяются ход и итоги индивидуальной работы сотрудников.

15 июня 1941 г. обсуждаются отзывы о диссертационной работе Д. С. Лихачева «Новгородские своды XII в.». В третьем пункте постановления, принятого на заседании отдела, сказано: «Назначить диспут в июне 1941 года, до летнего перерыва в работе ученого совета».⁵⁸ В плане заседаний отдела на июнь 1941 г., написанном рукой В. Ф. Покровской, было намечено: «Июнь, 5-е. 13 час. Д. С. Лихачев. „Новгородские известия «Повести временных лет»“ (статья для VI вып. Трудов ОДРЛ); июнь, 12-е. В. Л. Комарович. „Областное летописание XIV—XV вв.“ (для V вып. Трудов); июнь, 20-е (пятница). М. О. Скрипиль. „Повесть о Петре и Февронии“ (для VI вып. Трудов); июнь, 26-е — подведение итогов работы отдела в первой половине 1941 г.».⁵⁹ В назначенные сроки состоялась доклад В. Л. Комаровича и М. О. Скрипиля, а 11 июня 1941 г. Д. С. Лихачевым была защищена диссертация по теме «Новгородские летописные своды XII века» на степень кандидата филологических наук. Протокол последнего «мирного» заседания отдела сохранился только в черновике, который писавшая его, как всегда, В. Ф. Покровская уже не стала переписывать своим четким, каллиграфическим почерком.

Итак, Великая Отечественная война застала Отдел древнерусской литературы уже сложившимся научным коллективом, создавшим два тома из десяти томной «Истории русской литературы», выработавшим определенную методику изучения и издания русских средневековых памятников. К этому времени наметились три главных направления работы отдела: научно-исследовательское, издательское, библиографическое. В по-

⁵⁷ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1941), № 50, л. 1.

⁵⁸ Там же, л. 33.

⁵⁹ Там же, л. 36.

слевоенные годы, с началом работы в отделе В. И. Малышева, началась еще и собирательская деятельность.

В первую военную зиму 1941/42 гг. многие сотрудники Пушкинского Дома оставались в Ленинграде. Об этом периоде, основываясь на архивных документах, рассказывает в главе «В дни войны и блокады» своего исторического очерка о Пушкинском Доме В. Н. Баскаков. «В планах института, — пишет он, — выдвинулись на первое место работы, посвященные теме патриотизма и защиты Родины в русской литературе, героическому прошлому нашего народа и отражению его в литературе. Эти работы осуществлялись в спешном порядке и в том же 1941 г. уже выходили из печати».⁶⁰

12 июня 1942 г. основная группа сотрудников, а также часть музейных и архивных фондов института были эвакуированы в Казань. «Сегодня ровно месяц как я с семьей выехал из Ленинграда, — писал Д. С. Лихачев А. С. Орлову в июле 1942 г. из Казани. — Ехали мы 12 дней сравнительно благополучно в теплушках. В Казани я первое время хворал, но сейчас поправился. . . Сейчас постепенно проходит та физическая слабость, которая вначале (по прибытии в Казань) лишала меня сил подниматься по лестницам.

. . . На днях в Казань приехали остатки нашего института. . . В этих „остатках“ Варвара Павловна, Анна Ив. (Перепеч. — М. Р.), Модзалевский, Калаушин, Городецкий».⁶¹

В Ленинграде остались около 16 сотрудников ИРЛИ во главе с уполномоченным президиума АН СССР по Институту литературы В. А. Мануйловым. Заведующим Архивом института был М. И. Стеблин-Каменский, заведующим Литературным музеем — В. М. Глинка. Архив института (ААН, ф. 150) сохранил много любопытных документов 1941—1942 гг., в том числе переписку с эвакуированными сотрудниками, с ученым секретарем института в Казани М. О. Скрипилом, заместителем директора Л. А. Плоткиным и директором института П. И. Лебедевым-Полянским, находившимся в Москве.

В первую блокадную зиму умер В. Л. Комарович. В. А. Мануйлов обратился в дирекцию Государственной публичной библиотеки с просьбой позаботиться о личной библиотеке В. Л. Комаровича: «В случае, если Вам удастся получить книги и материалы В. Л. Комаровича, ИЛИ просит передать в его архив рукописи литературоведческих работ Комаровича, среди которых особый интерес представляют его работы о русской летописи и о „Маскараде“ Лермонтова и картотека по Достоевскому».⁶²

Д. С. Лихачев писал А. С. Орлову в Боровое: «Очень жаль Василия Леонидовича — он умер ужасно: один, сходя с ума. Книжки и мебель свою (мебель у него была хорошая) он сжег в буржуйке. Жена и дочка его пропали. Квартира осталась пустая; — где его рукописи (по летописи и др.), я не знаю (не нашел)».⁶³

До эвакуации из Ленинграда научная работа сотрудников ОДРЛ продолжалась. В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев писали статьи и редактировали 2-й том «Истории русской литературы». Об этой работе, как пишет В. Н. Баскаков, 20 июля 1942 г. сообщала «Ленинградская правда»: «Научный сотрудник Д. С. Лихачев написал ряд фундаментальных разделов, профессор В. П. Адрианова-Перетц заканчивает редактирование второй части тома, посвященного истории русской литературы начала XVIII в.».

Кроме того, в 1942 г., как видно из отчета о проделанной работе,⁶⁴ В. П. Адрианова-Перетц продолжала изучение стихотворных фаций

⁶⁰ Пушкинский дом: Исторический очерк. С. 92—106.

⁶¹ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁶² ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 10.

⁶³ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁶⁴ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42.

XVIII в. и закончила статью «Изумруд — энциклопедия общественной и частной морали русского средневековья».⁶⁵ М. О. Скрипиль, находясь в Казани, готовил монографию о древнерусской повести и занимался, в частности, «Повестью о Басарге», готовя ее к изданию. Д. С. Лихачев переработал раздел о протопопе Аввакуме для второй части 2-го тома «Истории русской литературы», статью о новгородских известиях в «Повести временных лет» — для 5-го тома ТОДРЛ, продолжал работу над монографией о начале русского национального государства, для чего были исследованы стилистические особенности литературного средневековья (таково название одной из глав будущего труда), и, кроме того, написал две важные работы, которые сыграли огромную роль для патриотического воспитания и поддержания боевого духа бойцов Красной Армии в военное время. Это — написанная совместно с М. А. Тихановой брошюра «Героическая оборона древнерусских городов», изданная в осажденном Ленинграде в 1942 г., и «Военное искусство Древней Руси». Позднее Д. С. Лихачев писал:

«Через месяца два она (брошюра. — М. Р.) была набрана слабыми руками наборщиц и отпечатана. Осенью того же года я стал получать на нее отклики прямо с передовой.

... В чем состояла тогда современность древней русской литературы? Почему мысль от тяжелых событий ленинградской блокады обращалась к Древней Руси?»⁶⁶ И далее автор сам отвечал на эти вопросы: «Понять те 900 дней обороны Ленинграда можно было только в масштабе всей тысячелетней истории России. Рассказы летописей как бы определяли размеры ленинградских событий. И мне стало ясно, что напомнить историю осад древнерусских городов остро необходимо. Это было ясно и М. А. Тихановой. Вот почему, работая над нашей книгой в разных концах города, не связываясь друг с другом даже по телефону или письмами, ибо ни телефон, ни почта не работали, мы все же писали так, что и теперь трудно нам сказать: кто из нас писал какую главу».⁶⁷ Д. С. Лихачевым были написаны также статьи для Антифашистского комитета Совинформбюро и — по заданию Политуправления Ленинградского военного округа — статьи о культуре Новгорода и Пскова.

А. С. Орлов с начала войны находился в Казахстане, в санатории «Воровое» АН СССР. 25 декабря 1942 г. он писал Л. А. Плоткину в Казань: «В 1942 г. мною составлена книга на тему: „Казахский героический эпос и отношение его к русскому“ — ок. 6 п. л. Мне желательно было бы, чтобы эта книга была издана в Академии наук в серии научно-популярной. Мои занятия казахским героическим эпосом стали известны Председателю Совпаркома Каз.ССР Ундасыкову К. Д., который посетил меня и одобрил произведенные мною работы по изучению казахского эпоса, считая их весьма актуальными». В то же время А. С. Орлов беспокоится за судьбу отправленных из блокадного Ленинграда в Казань томов «Истории русской литературы»: «Не откажите справиться, где находятся присланные из Ленинграда машинописные экземпляры неизданных томов „Истории русской литературы“. Правда ли, что без вести пропал весь XVII век в том единственном экземпляре, куда внесены все поправки, и второй, еще не тронутый, редакторский экземпляр. Сообщите мне, пожалуйста, сведения по этому делу. Нельзя ли сообщить теперешний состав Отдела древней литературы».⁶⁸ К концу 1942 г. состав ОДРЛ был следующим: Д. С. Лихачев и М. О. Скрипиль (в Казани), В. П. Адрианова-Перетц (в Ташкенте),

⁶⁵ См. письмо В. П. Адриановой-Перетц из Ташкента, написанное осенью 1942 г. М. О. Скрипилю в Казань, где сообщается, что к 1 января 1943 г. может быть сдана в печать статья В. П. Адриановой-Перетц «Изумруд — энциклопедия общественной и частной морали русского средневековья» (2.5 а. л.).

⁶⁶ Лихачев Д. С. Послесловие к брошюре 1942 г. // Звезда. 1975. № 1. С. 180.

⁶⁷ Там же. С. 182.

⁶⁸ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 13.

И. П. Еремин (в Саратове), А. С. Орлов (в Каз.ССР). Д. С. Лихачев писал А. С. Орлову 11 декабря 1942 г.: «На днях В. П. поехала в Ташкент, вместе с Л. Г. Гринберг».⁶⁹

В. П. Адрианова-Перетц сначала уехала из Ленинграда в Елабугу, затем в Казань, но пробыла там недолго и, не возвращаясь в Ленинград, отправилась в Ташкент с Л. Г. Гринберг, А. И. Перепеч и М. М. Калаушиным, о чем 6 ноября 1942 г. телеграфировал из Казани в Свердловск — в президиум Академии наук — М. О. Скрипилю. В Ташкенте тогда находился Б. С. Мейлах, который 14 ноября 1942 г. писал М. О. Скрипилю в ответ на его просьбу обеспечить жильё приехавшим сотрудникам:

«Многоуважаемый Михаил Осипович!

Как Вам уже известно, наши ленинградские товарищи благополучно прибыли в Ташкент. Я сделал все, что мог, для того, чтобы помочь им с жильем. Удалось с первых же дней поставить их в лучшие условия, по сравнению с другими, приехавшими вместе с ними сотрудниками. . .

Целы ли наши тома Истории литературы?»⁷⁰

В Ташкенте В. П. Адрианова-Перетц редактировала первую часть 2-го тома «Истории русской литературы», готовя ее к отправке в Казань для печатания. 1 декабря 1942 г. она писала М. О. Скрипилю о следующей части 2-го тома:

«Мой том — II т., ч. 2 (XVII век) — я прошу с надежной оказией переслать сюда, окончу редактуру, здесь дам на рецензию двум членам гл. ред., весной попрошусь в Боровое, чтобы там доработать с А. С. Орловым, а затем в Москву к Павлу Иван. (Лебедеву-Полянскому). Но страшно, не украли ли этот том вместе с другим имуществом. Тогда пропала наша работа и придется том как целое начинать делать снова».⁷¹

М. О. Скрипилю успокоил ее сообщением о сохранности этого тома, находившегося в Казани, но не сразу найденного.

В. П. Адрианова-Перетц беспокоилась о сотрудниках ОДРЛ, с которыми волею судьбы была разлучена, особенно о состоянии здоровья Д. С. Лихачева, не оставлявшего работы всю минувшую тяжелую ленинградскую зиму. Она писала Л. А. Плоткину из Ташкента 1 декабря 1942 г.: «Теперь большая к Вам просьба бытового порядка. Меня очень тревожит судьба Д. С. Лихачева. У него ведь четверо иждивенцев. Помогите ему, чем можно: пропусками в столовую, пайком, пособием — что реальнее. Цену ему, как работнику, Вы знаете и распространяться об этом не буду». В тот же конверт было вложено письмо А. И. Перепеч: «До нас дошло, что очень скверно живет Дмитрий Сергеевич Лихачев. Очень жаль его. За время войны он показал себя с лучшей стороны. Подумай и сделай что-нибудь для облегчения его положения. Этот человек заслуживает заботу, даже особую заботу о себе».⁷² А уже 23 декабря она писала М. О. Скрипилю в Казань: «Как здоровье Дмитрия Сергеевича? Берегите его, он у нас хрупкий».⁷³

Наконец, А. С. Орлов писал Л. А. Плоткину 25 декабря 1942 г.:

«В. П. Адрианова-Перетц написала мне из Ташкента, что опасается за здоровье Д. С. Лихачева с семьей в пять человек, так как он имеет всего один пропуск в столовую. На питание жалуется и сам Д. С. Лихачев, особенно в отношении своих детей. Прошу Вас помочь Д. С. Лихачеву как ценнейшему работнику отдела. . . Ожидаю от Вас ответа по этому делу».⁷⁴ Дирекция института в Казани включила Д. С. Лихачева первым

⁶⁹ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁷⁰ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 13.

⁷¹ Там же, № 11.

⁷² Там же.

⁷³ Там же, № 13.

⁷⁴ Там же.

в список на единовременное пособие сотрудникам, эвакуированным из Ленинграда.

Д. С. Лихачев вел в Казани активную научную деятельность. В самом начале 1943 г. М. О. Скрипиль писал А. С. Орлову: «Сейчас в Казани мы живем и работаем очень небольшой группой (И. И. Толстой, Л. А. Плоткин, Д. С. Лихачев, А. М. Астахова, П. Г. Ширяева, К. Н. Державин). Последнее время мы стали более или менее регулярно проводить научные заседания: доклады делает И. И. Толстой по истории античной сказки, Д. С. Лихачев — по истории культуры Древней Руси. На сессии, проведенной гуманитарными институтами АН совместно с КГУ в связи с 25-летием Октябрьской революции, с докладами выступали от нашего института Л. А. Плоткин — „Литературоведение за 25 лет“, А. М. Астахова — „Возрождение эпоса“, и я — „Тема патриотизма в древнерусской литературе“». ⁷⁵

Д. С. Лихачев вспоминает (1985): «В читальном зале Казанского университета зимой было ниже нуля, и я приносил с собой чернильницу, которую, чтобы не замерзали чернила, держал в кармане. Библиотекариши были истинные подвижницы».

Несмотря на то что основной состав сотрудников ИРЛИ 12 июля 1942 г. эвакуировался в Казань, до осени еще не было окончательно решено, где же все-таки сосредоточатся главные научные силы института: многие сотрудники оказались в разных городах — в Саратове, Иркутске, Тобольске, Ярославле, Новосибирске, Кыштыме. 25 июля 1942 г. Л. А. Плоткин обратился в президиум АН СССР с просьбой оставить институтский центр в Казани:

«До настоящего времени Институт литературы Академии наук СССР не имел постоянного местопребывания, так как часть сотрудников оставалась в Ленинграде, часть находилась в Казани, остальные — в Саратове и Ташкенте. Теперь, в связи с выездом оставшегося в Ленинграде контингента сотрудников, представляется, наконец, возможность обосновать институт в одном месте и развернуть работу. Мне представляется, что основным местопребыванием института следовало бы установить Казань.

Доводы в пользу этого таковы:

1. Институту по плану предстоит в этом году закончить X том „Истории русской литературы“. Для этой работы, равно как и для других научно-исследовательских работ, совершенно необходима солидная библиотечная база. Университетская библиотека Казани в этом смысле могла бы нас удовлетворить. Перевод института в город, лишенный научной библиотеки, фактически лишит нас возможности вести научно-исследовательскую работу.

2. Оставление института в Казани, как мне кажется, не вызовет особых затруднений для президиума. У нас в наличии имеется 43 чел. (5 ед. вакантных). Из них — 10 чел. оставлены для охраны здания в Ленинграде, трое находятся в Ташкенте, трое в Саратове, двое в Москве, один в Боровом и один в Новосибирске. 6 человек уже живут в Казани. Таким образом, для того, чтобы обосновать институт в Казани, нам нужно лишь небольшое рабочее помещение (2 комнаты) и разрешение на жилплощадь для 10 человек (несколько человек после всего перенесенного в Ленинграде нуждаются в длительном отпуске и будут находиться со своими семьями).

3. Институт литературы, если бы он был сконструирован как некое организационное целое, мог бы объединить вокруг себя и оставшихся в Казани лингвистов.

4. Объединение и развертывание работы института представляется делом неотложным, и я прошу президиум принять для этого все возможные меры». ⁷⁶

⁷⁵ Там же. То же см. в письме М. О. Скрипиля к П. Г. Ширяевой от 3 декабря 1942 г.

⁷⁶ ААН, ф. 150, оп. 1 (1942), № 13.

Меры были приняты, и институт остался в Казани. В письме А. С. Орлову от 24 августа 1942 г. Д. С. Лихачев сообщал: «Возможно, что в конце сентября институт будет иметь „угол“, т. е. несколько столов в комнате, которую занимает другое учреждение (кажется, РИСО)».⁷⁷

Продолжала работу и группа сотрудников, оставшаяся в Ленинграде. Возглавлявший ее В. А. Мануйлов докладывал 1 июня 1942 г. директору института П. И. Лебедеву-Полянскому в Москву: «Институт имеет свой план работы. Сначала мы планировали работу института по кварталам, но вскоре — по указанию уполномоченного президиума АН СССР по ленинградским учреждениям АН СССР А. А. Фомина — мы составили годовой план работы. Этот план обсуждался на производственных совещаниях института (по образцу заседаний ученого совета такие совещания мы проводим регулярно) и был утвержден на Объединенном ученом совете ленинградских институтов АН СССР». В план этот, в частности, входили статьи для второй части 2-го тома «Истории русской литературы», над которыми, как уже упоминалось, работали В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев, подготовка к изданию 5-го тома ТОДРЛ, составление сборника статей «Народные песни о защите родины».⁷⁸

12 октября 1942 г. в письме к П. А. Лебедеву-Полянскому В. А. Мануйлов сообщал: «Коллектив сотрудников института работает дружно и к исполнению своих обязанностей относится сознательно. За истекший период нам пришлось заготавливать дрова, застеклять и заделывать фанерой все помещения, отеплять водопроводные трубы. С помощью одной военной части восстановлен водопровод, уборные, держатся пожарные посты и посты МПВО, убираются помещения и т. д. Эти хозяйственные заботы отнимают много сил и времени, и мы чувствуем острую нехватку людей, но с рабочей силой очень трудно...»⁷⁹

Остается добавить, что сотрудники института охраняли еще квартиру А. С. Пушкина на Мойке и фонограммархив в Доме ученых. В том же письме читаем: «Несмотря на то, что хозяйственные заботы отнимают у нас большую часть времени и сил, научные сотрудники по мере возможности продолжают вести научную работу. Это касается не только индивидуальной работы, предусмотренной планом. Мы провели несколько открытых Литературных чтений, о которых были сочувственные отзывы в ленинградской и центральной московской печати. С особым успехом прошло выступление В. Н. Инбер, читавшей свою поэму „Пулковский меридиан“».

Летом 1942 г. В. А. Мануйлов писал в Казань: «Настоящим сообщая, что архивные и музейные фонды, а также библиотека Института литературы в Ленинграде находится в порядке, здание пострадало от обстрелов незначительно и сейчас подготавливается к зиме, коллектив сотрудников, оставшихся в Ленинграде, работает самоотверженно и дружно...»

«Теперь наши сотрудники более или менее осели, как-то устроились, «начали» работать. Время военное, всюду идет соцсоревнование, на фронте творятся великие дела, страна несет громадные жертвы, надо максимально подтягиваться и не только не отставать от других, но и перегонять», — писал 23 июля 1942 г. П. И. Лебедев-Полянский М. О. Скрипилю в Казань.⁸⁰

Итак, к весне 1943 г. основные силы института сосредоточились в Казани. На заседании ученого совета 15 апреля 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц, которая с 1926 г. являлась чл.-кор. АН УССР, куда была избрана за работы по старинной украинской литературе и фольклору, вместе с С. Д. Балухатым и М. К. Азадовским выдвигается на избрание в чл.-кор. АН СССР, а И. И. Толстой — в академики. Находясь в это время в Ташкенте, В. П. Адрианова-Перетц продолжала интенсивно работать,

⁷⁷ ААН. ф. 763, оп. 3, № 72.

⁷⁸ ААН. ф. 150, оп. 1 (1942), № 14.

⁷⁹ Там же, № 10.

⁸⁰ Там же, № 12.

не порывая тесной связи с Казанью. К лету 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц переезжает в Казань.⁸¹ В письме из Ташкента к Н. П. Колпаковой в Ленинград она писала: «Если ничего не помешает, в начале июня поеду в Казань» печатать 2-й том».⁸²

1 июня 1943 г. был объявлен приказ дирекции ИРЛИ: «За успешную работу, точно выполненную в установленные календарные сроки, премировать ст. научных сотрудников института: В. П. Адрианову-Перетц . . . Д. С. Лихачева».⁸³

А 10 июля 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц писала Н. П. Колпаковой из Казани: «. . . действительно, сразу очень много дела. Я уже оформила работу нашей тройки древников как работу отдела. Если Еремин согласится переехать в Казань (И. П. Еремин эвакуировался в Саратов вместе с Ленинградским университетом. — М. Р.), восстановят и его. Ну, а старик в Боровом. Живу по-птичь: не сею, не жну, а только ем. Лихачевы (в соседней комнате) с утра приносят мне кофе и кипяток, то же и вечером, делают все покупки. А я строчу с утра до вечера» (РО ИРЛИ, ф. 728).

«Мы с Варварой Павловной соседи, — писал Д. С. Лихачев А. С. Орлову 21 ноября 1943 г., — живем в комнатах рядом. Вот ее здоровье меня не радует. Врачам она не показывается и морит себя какой-то чудовищной диетой: ест птичьих порции, а раз в неделю день целый ничего не ест».⁸⁴

«Тройка древников» — это сама В. П. Адрианова-Перетц, возглавлявшая основную организационную работу «древников» в Казани, М. О. Скрипиль и Д. С. Лихачев. 23 июля 1943 г. Варвара Павловна писала: «Завтра буду с директором выяснять возможность печатания 2-го тома».⁸⁵ Сохранился протокол заседания сотрудников института от 30 июля 1943 г., где вынесено решение о назначении В. П. Адриановой-Перетц заведующей ОДРЛ:

«На весь период пребывания акад. А. С. Орлова вне Казани исполнение обязанностей зав. Отд. древнерусской литературы возложить на ст. науч. сотр. отдела, чл.-кор. В. П. Адрианову-Перетц.

Председатель: акад. П. И. Лебедев-Полянский».

В 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев приняли участие в издании работ в научно-популярной и оборонной сериях: уже к середине этого года были написаны «Родина в памятниках средневековой русской литературы» В. П. Адриановой-Перетц и «Культура Древней Руси» Д. С. Лихачева. В письме А. С. Орлову от 5 марта 1943 г. Д. С. Лихачев сообщает о своем докладе, посвященном повести Петра Бориславича о взаимоотношениях кн. Изяслава Мстиславича и Владимирка Галицкого, прочитанном в институте; о том, что он послал в «Исторические записки» работу о Добрыне и что Б. Д. Греков принял ее в № 14 этого журнала. М. О. Скрипиль закончил работу «Повесть о Дмитрии Басарге и ее литературная история. (Исследования и тексты)». А. С. Орлов завершил монографию «Героические сюжеты в древнерусской литературе». В 1943 г., как мы знаем, были подготовлены к печати обе части 2-го тома «Истории русской литературы», и В. П. Адриановой-Перетц было составлено «Заключение» к двум томам (XI—XVII вв.).⁸⁶ В неоконченном письме А. С. Орлова к В. П. Адриановой-Перетц, приводившемся ранее, говорилось по

⁸¹ «В трудных условиях жизни в эвакуации в Казани она приняла на себя заведование Отделом и усиленно работала над двумя полугодами десятилетней «Историей русской литературы». Закончить это издание несмотря на войну — она считала своим долгом» (Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 418).

⁸² РО ИРЛИ, ф. 726. Архив В. П. Адриановой-Перетц. Письмо датировано 17 мая 1943 г.

⁸³ ААН, ф. 150, оп. 1 (1943), № 18.

⁸⁴ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 726, архив В. П. Адриановой-Перетц.

⁸⁶ См.: ААН, ф. 763, оп. 2, № 42, л. 68.

этому поводу: «Не ждите от меня редакторских коррективов. Я сообщу в замечаниях лишь свой личный взгляд как собеседник в ученом обсуждении. Хорошо было бы, чтобы в этом обсуждении участвовал еще кто-либо, кроме нас с Вами.

Не имея в распоряжении всего текста древнерусских томов, я лишен возможности быть точным и веским, настоящим рецензентом. Затем я обуреваем желанием видеть в „Заключении“ нечто новое, искреннее, полученное от действительно пережитого материала, что-нибудь реальное, пластическое, нами, работниками, «смело» добытое. Но ведь это только желание, а вот как это выполнить — не по силам мне дать практическое предложение. В „Заключении“ у Вас все хорошо, недискутируемо, общеприемлемо, охватисто, очень содержательно, сытно. Все как надо. А я человек парадоксальный и бестактный, все уклоняюсь от колеи, все ищу неторной тропы — и потому противоречу. Но, может, именно такая позиция и будет для Вас бесполезной?»⁸⁷

Как увидим, «Заключение», написанное В. П. Адриановой-Перетц, обсуждалось более подробно на заседании ОДРЛ позже, уже в Ленинграде. В недатированном письме к Д. С. Лихачеву, по-видимому, более позднем, чем письмо к В. П. Адриановой-Перетц, А. С. Орлов пессимистически писал: «Передо мной проходят главы академической истории древней литературы, точно лермонтовский парад „красавиц городских“, у которых „давно бестрепетные“ руки и т. д. Передо мной в предстоящей разработке древностей нет перспективы, не ощущается живого влечения к манящей вдали серьезной цели. Завершение академического „пособия“ как будто послало „древников“ в отставку за ненадобностью. А новой, свежей общей стимулирующей литературной идеи не наворачивается. Темы, конечно, пазвать можно, скажем: „Историческая поэтика“, принятая отделением восторженно. Но ведь это только схоластический термин, пока без руководящей новой общей идеи».⁸⁸

В течение весны—лета 1943 г. на общих собраниях института в Казани делались научные доклады сотрудников отдела. 1 марта состоялся доклад Д. С. Лихачева «Летописные известия о Добрыше», на котором присутствовали: Л. А. Плоткин, акад. С. П. Обнорский, чл.-кор. И. И. Толстой, ст. научные сотрудники М. О. Скрипиль, А. М. Астахова, аспиранты А. С. Дубинская, О. В. Ковальническая, Н. П. Панаева, В. А. Максимова. 31 мая Д. С. Лихачев выступил с докладом «Летописные известия об Алеше Поповиче». На заседании помимо названных лиц были Е. Э. Лишиц и В. Л. Бреннерт. Кроме того, заседания института посещали Б. А. Ларин, Е. К. Бахмутова, Н. В. Пигулевская, А. А. Гозенпуд, аспиранты Л. М. Лотман, Н. Т. Панченко. 17 июня с докладом «К вопросу о художественной традиции в фольклоре. Песня о рябине и о сожжении женой мужа» выступила бывшая тогда доцентом Кировского педагогического института А. П. Евгеньева. Она была принята в докторантуру в Отдел древнерусской литературы, ее работу консультировала В. П. Адрианова-Перетц, а 20 октября 1943 г. был обсужден и утвержден план докторской диссертации А. П. Евгеньевой «К истории стиля и языка XVII—XVIII вв.». В устной беседе (май 1984 г.) она вспоминала, как доброжелательно отнеслись к ней В. П. Адрианова-Перетц и И. И. Толстой во время вступительного собеседования, как В. П. Адрианова-Перетц поддержала тему диссертации, отмечая острый недостаток лингво-стилистического подхода к русскому средневековому литературному материалу, и как много важных и точных советов было получено во время докторантуры от сотрудников отдела и в первую очередь от В. П. Адриановой-Перетц. При обсуждении плана диссертации А. П. Евгеньевой Варвара Павловна сказала: «Отделу древней литературы необходим филолог. В связи с изданием истории древней

⁸⁷ Там же, № 15, л. 21 об.—22.

⁸⁸ Там же, оп. 3, № 72.

литературы вопрос языка становится чрезвычайно важным. Очень ценным является тот факт, что в основе всех глав лежит задача отличить образ сознательно выработанный и образность обычной речи. Это поможет выделить фольклорный прием и тем поможет общим вопросам литературоведения. . .»⁸⁹

На том же заседании ученого совета (20 октября 1943 г.) В. П. Адрианова-Перетц выступила с большим докладом «Историчность древнерусской литературы (XI—XVII в.)», предназначенным как статья для задуманного институтом издания своих научных трудов. В этом издании (оно обсуждалось на ученом совете 30 июля) предполагался раздел, посвященный древней литературе. Был определен и состав редколлегии: ответственный редактор — чл.-кор. АН СССР П. И. Лебедев-Полянский, заместитель ответственного редактора — акад. А. С. Орлов, проф. Л. А. Плоткин, В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, И. И. Толстой, И. С. Зильберштейн, М. О. Скрипиль.

Выступая по докладу В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачев отметил: «Значение работы заключается в том, что до сих пор не делали обобщений под предлогом того, что якобы не было закончено изучение литературы. Однако работа Варвары Павловны показывает, что это возможно».

В ответном слове докладчица сказала: «Историзм не единственное явление в древнерусской литературе. Это необходимо было подчеркнуть, если бы речь шла об итогах древнерусской литературы. Мне хотелось показать, что большая литература делалась в области именно исторической литературы, так как этого многие недооценивали. . .»

К статье, написанной по этому докладу, В. П. Адрианова-Перетц добавила аннотацию: «Статья устанавливает, что ведущие литературные жанры с XI по XVII в. в своей тематике откликаются прямо или косвенно на важнейшие вопросы общественно-политической жизни каждой эпохи; показывает, что „историзм“ ярче всего выразился в сложных и многообразных вариантах темы „Родина“; характеризует своеобразие литературного выражения „историзма“ в каждом периоде; приводит к выводу, что в лучших литературных памятниках XI—XVII вв. налицо „народность“».

Для институтского сборника трудов предназначалась и написанная Д. С. Лихачевым статья «Политические идеи в литературе эпохи Ярослава Мудрого». В аннотации к ней читаем: «В статье говорится о попытках Византии распространить на русский народ теорию всемирной гегемонии византийского императора. Попытки поставить русский народ в политическую зависимость от Византийской империи встречают резкий отпор при Ярославе Мудром. В противовес теории всемирного владычества Второго Рима — Византии — Иларион выдвигает идею равноправности русского народа народам Европы и теоретически ее обосновывает. Опираясь на свои идеи Иларион находит в грандиозных мозаичных и фресковых изображениях Софии Киевской, вскоре после построения которой и было произнесено „Слово“ Илариона».⁹⁰

Продолжая изучение древнерусского летописания, Д. С. Лихачев, кроме того, написал несколько глав для планируемой монографии «Летопись как литературный памятник (наблюдения над единством литературного развития)». «Зимой и весной этого года, — писал он А. С. Орлову 4 августа 1943 г., — я закончил работу о родовом предании Яна и Вышаты . . . Сейчас я работаю над Ипатьевской летописью — над повестью об Изяславе — и „вылущиваю“ Черниговское летописание, что оказалось интересным для „Слова о полку Игореве“».⁹¹ В. П. Адрианова-Перетц закончила в это время большую монографию о стихотворных и

⁸⁹ Там же, ф. 150, оп. 1 (1943), № 18.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

прозаических фацециях XVII—XVIII вв. — с изданием текстов по рукописям московских и ленинградских собраний, с комментариями. Помимо того исследовательница написала работу «К истории „Слова о полку Игореве“ в русской литературе XV—XVI вв.», которая во многом и определила будущее изучение взаимоотношений текстов «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». 19 октября 1943 г. В. П. Адрианова-Перетц писала Н. П. Колпаковой по поводу сообщения последней о желании поэта Виссариона Саянова перевести современным стихом «Задонщину»: «Сейчас я сделала реконструкцию старшего вида ее».⁹²

Но мысли о Ленинграде не оставляли уехавших. «Ходят слухи, — писал Д. С. Лихачев А. С. Орлову 5 марта 1943 г., — о нашем переезде в Ленинград в июне—июле этого года, но постановления еще нет». Переезд этот состоялся очень скоро, однако в сохранившихся письмах Д. С. Лихачева А. С. Орлову из Казани постоянно звучит «ленинградская тема»: «Когда Вы вернетесь в Ленинград — Вы его не узнаете, но порядок в нем образцовый, нет очередей, все выдачи производятся аккуратно, город чист, хотя ужасно изранен».⁹³

В этих ожиданиях прошел еще один год войны.

1944 г. был последним годом эвакуационной жизни института. Приближались возвращение домой и уже скорая теперь победа.

9 января 1944 г. Д. С. Лихачев пишет А. С. Орлову: «Собираемся летом возвращаться в Ленинград, но официально ничего не известно»; в письме от 3 мая 1944 г.: «Все надеются, что осенью мы соберемся в Ленинграде». 9 июля 1944 г. он сообщает: «Вчера уехала в Ленинград В. П. вместе с Елизаветой Ивановной Бобровой».⁹⁴

18 февраля 1944 г. на общем собрании сотрудников института была заслушана информация Д. С. Лихачева о Фонде Победы и вынесено решение отчислить в фонд 50 % месячной заработной платы.⁹⁵ 7 июня, как свидетельствует повестка заседания, доклад Л. А. Плоткина «Чехов и современность» состоялся уже в Ленинграде.⁹⁶ Однако полностью возвращение состоялось только в начале 1945 г.: «10 января переезжаем в Ленинград, если институт вышлет пропуска (едет вся казанская группа), — из письма Д. С. Лихачева А. С. Орлову от 18 декабря 1944 г.»⁹⁷

В первом же полугодии 1944 г., еще в Казани, продолжалась интенсивная научная жизнь. Приезжавший в Ленинград заместитель директора института Л. А. Плоткин 5 февраля 1944 г. говорил на общем собрании сотрудников ленинградской группы: «Несмотря на то что научные силы института были разделены между Казанью, Ташкентом, Москвой, Ленинградом и др. городами, план научной работы успешно выполнен и в настоящее время подготовлен к печати целый ряд коллективных работ и научно-исследовательских монографий. Особо следует отметить, что успешно продолжается и в ближайшие годы будет доведена до конца работа по созданию и изданию истории русской литературы и истории западных литератур».

26 января на общем заседании сотрудников института в Казани Д. С. Лихачевым был прочитан доклад «Повесть Петра Бориславича о князе Игоре». Сохранились краткие тезисы доклада, предложенные автором:

1. Критика и история повести.

2. Историческая обстановка и факты, изображающиеся в повести. Историческая обстановка возникновения повести.

⁹² РО ИРЛИ, ф. 728, архив В. П. Адриановой-Перетц.

⁹³ ААН, ф. 763, оп. 3, № 72.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ См.: Там же, ф. 150, оп. 1 (1944), № 11.

⁹⁶ См.: Там же.

⁹⁷ Там же, ф. 763, оп. 3, № 72.

3. Вопрос об авторе повести; личность Петра Бориславича.
4. Время создания повести и цель ее создания.
5. Стиль повести и ее язык.
6. Жанр светской повести о (княжеских) междоусобиях и о преступлениях — характерный для русской средневековой литературы жанр (повесть Петра, Повесть попа Василия о князе Васильке и др. образцы жанра). Специфические черты сюжета и стиля этого жанра.
7. Связь с этим жанром Жития Бориса и Глеба, Повести об убийении Игоря Ольговича киевлянами (Черниговская, Переяславская и Киевская версии) и Сказания об убийении Андрея Боголюбского.
8. Заключение: жанр повести о междоусобных преступлениях, его стилистические особенности и язык, его целенаправленность и историческая основа. Начало этой традиции — Повесть о Борисе и Глебе — начало междоусобий. Конец этого жанра — и повесть об ослеплении Вас. Темного. Хронологические рамки . . . жанра».⁹⁸

Доклад Д. С. Лихачева вызвал живой интерес. В. П. Адрианова-Перетц сказала при обсуждении: «Дмитрий Сергеевич изучает летопись с точки зрения ее возникновения, ее состава. Выделение нового жанра повестей интересно, так как здесь поднят вопрос о возникновении некоторых средневековых жанров и вне зависимости от византийской литературы». Ее поддержал М. О. Скрипиль: «Работа имеет очень большое значение, так как она отражает тенденцию Отдела древней литературы раскрывать своеобразие и многообразие жанров средневековой литературы». Отвечая на вопросы и замечания, докладчик подчеркнул основные выводы своей работы: «Жанр существует, но нет в нем стилистических трафаретов, хотя и есть стилистические общие герои. Объединяются произведения: 1) целью повествования; 2) автором — человеком, близким к событию; 3) тенденциозностью жанра, стремящегося реально к подробному изображению события, автор подчеркивает „правдивость“ нелитературного повествования: он избегает литературных схем. . .»

2 февраля 1944 г. на общем заседании сотрудников института с докладом «Беллетристические элементы древнерусской переводной агиографии» выступил М. О. Скрипиль. На заседании присутствовали: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, Н. И. Мордовченко, Рахлин, Б. Л. Модзалевский, Д. Е. Максимов, А. М. Астахова, А. П. Евгеньева, В. И. Семёнова-Тян-Шанская, Т. Д. Белановская, Л. М. Лотман, Гордон, М. А. Шерешевская.

Выступая по докладу, наряду с критическими замечаниями Д. С. Лихачев отметил: «Достоинство доклада — необычайная широта обобщений, широчайший материал. . .»

В. П. Адрианова-Перетц остановилась на следующем моменте: «. . . чтобы избежать переоценки русского средневековья, Михаилу Осиповичу пришлось уйти в греческие корни. Но надо подумать о привлечении западной агиографии, если речь идет о принципиальной постановке вопроса. . .»

31 мая обсуждался доклад В. П. Адриановой-Перетц «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“», явившийся результатом большой предварительной работы. «Восстановительная работа над „Задонщиной“, — сказала Варвара Павловна при обсуждении ее доклада, — немало дает для комментария „Слова“ (текстологические уточнения)». Второй доклад на эту тему, явившийся как бы продолжением первого, был сделан В. П. Адриановой-Перетц 2 августа. Проблема реконструкции текста «Задонщины» стала в этот период целью работы исследовательницы.

Сохранился протокол организационного заседания заведующих секторами от 7 сентября 1944 г., состоявшегося уже в Ленинграде, когда собрался основной состав института. Часть сотрудников Отдела древнерус-

⁹⁸ Там же, ф. 150, оп. 1 (1944), № 11.

ской литературы вернулась из эвакуации летом—осенью 1944 г.,⁹⁹ и 1 октября начались заседания отдела в Ленинграде.¹⁰⁰

После возвращения в Ленинград Отдел древнерусской литературы расположился не во 2-м этаже — в комнате рядом с малым конференц-залом, как это было до войны, а в 1-м этаже — в длинной комнате с окном, выходящим в институтский двор, перед входом в которую стояла скульптура акад. А. Н. Веселовского. Позже сектор пересел на 3-й этаж, в левое крыло здания, а спустя некоторое время после смерти В. П. Адриановой-Перетц (в июне 1972 г.) — в правое крыло.

На первых трех заседаниях протоколы не велись, так как секретарь ОДРЛ был назначен только 1 декабря 1944 г. Это — А. П. Евгеньева, докторант отдела, работавшая под руководством В. П. Адриановой-Перетц. На заседании 1 октября А. С. Орлов ознакомился с работами сотрудников, выполненными за время эвакуации. 4 октября 1944 г. на ученом совете института, а 10 октября — на заседании ОДРЛ состоялось обсуждение «Записки о состоянии и задачах литературоведения», разработанной бюро Отделения литературы и языка АН СССР. Обсуждение на ученом совете запротоколировано. «Записка» вызвала много возражений и предложений. В частности, относительно изучения древнерусской литературы председательствовавший на заседании ученого совета А. С. Орлов заметил: «То, что произошло в древней литературе, т. е. в каком она находится теперь состоянии, никто не знает. Интересы к ней были очень мало.

. . . Из состояния нашего „древнего“ отдела литературоведения вытекает то, что нужно расширить плацдарм материала и заполнить в материале белые пятна. Пережить все те детские болезни, которые перенесла новая литература. Новая литература мужественно показала самостоятельность своей мысли. Нам надо перенести все методологические принципы исследования новой литературы на нашу древнюю. Надо рассматривать древнюю литературу исторически. Нам нужно было яснее сказать о наших принципах. Язык у нас слишком парламентарный и приглаженный.

. . . Мы должны подойти к истории древней литературы как к живому материалу. Надо показать процесс средневекового мышления. . . Нам надо обязательно обсудить вопрос об отношении к литературе как к искусству. Необходимы теплота и эмоциональное отношение к литературе. Этим лучше всего вскрывается значение памятника».¹⁰¹ На этом же ученом совете разбирался вопрос о проведении в близком будущем научно-исследовательской сессии института, для которой В. П. Адрианова-Перетц предложила тему доклада: «„Слово о полку Игореве“ на Западе». 4 ноября 1944 г. обсуждались планы работ отдела в 1945 г. Неотложной задачей стало издание 2-го тома «Истории русской литературы» (XIII—XVII вв.), который, как уже известно, был подготовлен до войны. В 1944 г. была сдана в набор рукопись первой части 2-го тома (40 а. л.). Она вышла из печати весной 1945 г. Вторая часть требовала переработки и дополнений, что и было сделано в течение 1945 г., а в 1946 г. эта часть тома (тоже 40 а. л.) была сдана в набор.

В 1944 г. ОДРЛ работал в следующем составе. Заведующий отделом — акад. А. С. Орлов, ст. научные сотрудники: В. П. Адрианова-Перетц, И. П. Еремин, Д. С. Лихачев, М. О. Скрипиль, докторант — А. П. Евгеньева. 9 декабря 1944 г. состоялся ее доклад на тему «Эпитеты в русском былевом эпосе». Присутствовали: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, М. О. Скрипиль, А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, И. М. Колесницкая, Е. И. Боброва, М. И. Стеблин-Каменский. По основной теме научного плана 1944 г. «Проблема жанра в средневековой русской литературе» были выполнены следующие работы:¹⁰² А. С. Орлов. «Воинская повесть в ее ха-

⁹⁹ Там же, оп. 1 (1945), л. 21 и след.

¹⁰⁰ Там же, № 9, л. 42.

¹⁰¹ Там же, оп. 1 (1944), № 11.

¹⁰² Там же, оп. 1 (1946), № 10, л. 29.

рактрных жанровых особенностях»; В. П. Адрианова-Перетц. «Княжеские жития — жанр панегирика национальным героям»; И. П. Еремин. «„Слово о полку Игореве“ — ораторское „слово“»; Д. С. Лихачев. «Летопись XI—XVI вв. как литературный жанр».

М. О. Скрипиль закончил докторскую диссертацию на тему «Опыты изучения историко-бытовой повести», которую защитил в декабре 1944 г.

Параллельно с основной темой шла работа индивидуальная. Так, В. П. Адрианова-Перетц подготовила материал для очерка «Житийно-повествовательная литература о князе Владимире I», И. П. Еремин начал работу над изучением художественных особенностей «Повести временных лет».

Д. С. Лихачев сдал для издания в серии научно-популярных книг «Очерки по истории национального самосознания Древней Руси», А. С. Орлов написал ряд статей по истории русского литературного языка (язык Крылова, Грибоедова, Лескова). В конце 1944 г. акад. А. С. Орлов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. По этому поводу Д. С. Лихачев писал ему из Казани: «Прочтя в газетах о Вашем награждении, я почувствовал, что работа отдела становится на прочные рельсы, что он нужен и что его не забывают».¹⁰³

В дальнейшем отдел, или, как он стал называться с 1946 г., Сектор древнерусской литературы, предполагал работать по трем основным направлениям, результатом чего должны были стать монографии-исследования, объединяемые общими проблемами. Это проблемы становления русской национальной литературы XI—XVII вв.: 1) Раскрытие генезиса главнейших произведений древнерусской литературы как глубоко самобытных явлений; 2) История поэтического стиля XI—XVII вв.; 3) Роль фольклора в формировании жанров и поэтического языка средневековья; 4) Русско-славянские литературные отношения средневековья как выражение литературного единства славянского мира.

Основными памятниками, на материале которых разрабатывались эти проблемы, были: «Слово о полку Игореве», русские летописи, сочинения Владимира Мономаха, исторические и историко-бытовые повести.

В течение 1945 г. регулярная научная жизнь отдела стабилизировалась. Проходили научные заседания, читались доклады. В течение этого года секретарские обязанности исполняла докторант А. П. Евгеньева. Ее рукой и написаны сохранившиеся в архиве протоколы.¹⁰⁴ 3 февраля 1945 г. на совещании руководящих сотрудников ИРЛИ обсуждалась предстоящая работа по написанию сборника научных работ к юбилею Академии наук СССР (220 лет). Решено было историю становления литературоведческой науки разделить хронологически — по векам, и об истории изучения памятников древнерусской литературы в Академии наук поручено было написать В. П. Адриановой-Перетц.

Что же касается исследовательских работ В. П. Адриановой-Перетц, то в 1945 г. она продолжает работать над поэтикой древнерусской литературы — собирает материал, делает наблюдения над художественным стилем средневековой литературы, регулярно обсуждает написанное на заседаниях отдела. Эта работа была связана с намечавшимся созданием большой общеконститутивной работы по исторической поэтике, которая обсуждалась осенью 1944 г. на заседании заведующих секторами ИРЛИ.¹⁰⁵ Этот труд не был осуществлен до конца, но в 1945 и 1946 гг. В. П. Адрианова-Перетц интенсивно работала над изучением стиля древнерусских памятников, в результате чего появилась ее замечательная работа «Очерки поэтического стиля Древней Руси» (1947), называвшаяся вначале «Очерки литературного стиля русского средневековья». На заседании отдела

¹⁰³ Там же, ф. 763, оп. 3, № 72.

¹⁰⁴ Там же, ф. 150, оп. 1 (1945), № 9.

¹⁰⁵ Там же, оп. 1 (1944), № 11.

7 марта 1945 г. обсуждается одна из глав этой книги — «Из истории средневековой метафоры».¹⁰⁶ Присутствовали: А. С. Орлов, В. А. Десницкий, Д. С. Лихачев, М. О. Скрипиль, Е. И. Боброва, О. В. Ковальницкая, И. М. Колесницкая, П. Г. Ширяева, И. П. Еремин, М. В. Николаева, А. П. Евгеньева.

Резюмируя свои наблюдения, В. П. Адрианова-Перетц сказала: «... характерной особенностью средневековой метафоры является постоянство ее употребления, т. е. то самое постоянство, о котором писал А. С. Орлов в отношении некоторых формул и сочетаний в воинских повестях... В своей работе я опиралась на то понимание метафоры, которое было известно писателю-византийцу, шедшему от античной традиции... речь шла о стилистическом приеме (метафоре), который при переходе из жанра в жанр принимает различную окраску и уже, конечно, не может лежать только в пределах богословия».

Прочитанный ею доклад В. П. Адрианова-Перетц считала началом большой работы, предпринятой и рассчитанной не на один год, так как в дальнейшем она предполагала проследить различные виды метафор по всем жанрам древнерусской литературы.

А. С. Орлов высоко оценил работу В. П. Адриановой-Перетц, почувствовав преимущество ее труда по отношению к исследователям прошлого в области художественного значения памятников литературы Древней Руси — прежде всего Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского. «Когда я слушал доклад, — сказал на обсуждении А. С. Орлов, — я вспомнил Ф. И. Буслаева, писавшего о том, что в первой четверти XVII в. происходит изменение метафор в русской литературе... Надо установить круг явлений (метафоры, аллегории, символы) и проследить не только на „практике“, но использовать и теоретические работы средневековья... Работа, начатая Варварой Павловной, огромна и требует привлечения к ней и других сотрудников».

Действительно, в эти же первые послевоенные годы и Д. С. Лихачев и И. П. Еремин, а с лингвистической точки зрения — А. П. Евгеньева разрабатывают вопросы стиля литературных средневековых памятников. Помимо большой работы о художественной природе летописи¹⁰⁷ Д. С. Лихачев, например, в дополнение к статье В. Л. Комаровича для «Истории русской литературы» написал в 1945 г. раздел «Стиль писаний протопопа Аввакума» — тема, к которой он потом не раз обратится в более поздних своих работах.¹⁰⁸

14 марта 1945 г. Д. С. Лихачев рассказал на заседании отдела о своей научной работе в 1943—1944 гг.

28 марта с рассказом об экспозиционном плане Отдела древнерусской литературы в Литературном музее выступила В. Д. Кузьмина (тогда сотрудница Литературного музея в Москве). На этом заседании присутствовали: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, А. М. Астахова, М. О. Скрипиль, Д. С. Лихачев, И. П. Еремин, М. В. Николаева (в 1945 г. аспирантка ОДРЛ, работавшая под руководством В. П. Адриановой-Перетц), Г. П. Ширяева, А. Н. Хмелевская, А. П. Евгеньева, В. А. Десницкий.

Идея специального «Музея древнерусской книжности» была выдвинута еще акад. Н. К. Никольским, и в 1918 г. такой музей, носивший «историко-библиографический характер», был по его инициативе создан. Он помещался в доме Н. К. Никольского в Детском Селе. Об этом факте говорят материалы по деятельности Н. К. Никольского в «Историко-библиографическом музее древней славяно-русской книжности» и черновые рукописи

¹⁰⁶ ААН, ф. 150, оп. 1 (1945), № 9.

¹⁰⁷ В план Совнаркома на 1946 г. по ОДРЛ входило издание монографии Д. С. Лихачева о летописи как литературном произведении (ААН, ф. 150, оп. 1 (1946), № 10).

¹⁰⁸ См.: «Человек в литературе Древней Руси» (2-е изд. М., 1970), «Развитие русской литературы X—XVII вв.» (Л., 1973), «Смеховой мир Древней Руси» (Л., 1976) и др.

по истории его возникновения, сохранившиеся в архиве академика.¹⁰⁹ План экспозиции древнерусских книжных материалов в Литературном музее Москвы, изложенный В. Д. Кузьминой, вызвал при обсуждении живой интерес, а также ряд замечаний и пожеланий, связанных с принципом показа материала. Проспект этого плана сохранился в архиве.¹¹⁰

25 апреля 1945 г. на заседании отдела, когда подводились итоги работы в течение 1-го квартала, с развернутым сообщением о необходимости немедленно приступить к подготовке планомерного издания памятников древнерусской литературы выступил А. С. Орлов: «. . до сих пор мы не имеем настоящего издания, отвечающего современным требованиям литературной науки, тогда как это дело исключительной важности и значения. Издание памятников, которое в отделе прекратилось, необходимо начать снова». На этом заседании было решено: 1) составить докладную записку в президиум АН СССР об издании памятников древнерусской литературы; 2) направить письмо директору БАН с просьбой о скорейшем открытии Рукописного отдела (в 1945 г. еще законсервированного), поскольку для издания памятников необходима была в первую очередь работа с рукописями. Д. С. Лихачеву поручили передать это письмо в дирекцию БАН. Директор библиотеки проф. Яковкин считал возможным открыть Рукописный отдел только после празднования юбилея Академии наук, когда из помещений БАН будут вывезены рукописи Пулковской обсерватории, хранившиеся там в годы войны. Для работы в Рукописном отделе на заседании ОДРЛ была выдвинута кандидатура В. Ф. Покровской, которая тогда работала в госпитале. Для юбилейной выставки сотрудниками ОДРЛ был подготовлен список рукописей и старопечатных книг, к которым составлены аннотации.

23 мая отделом была принята докладная записка А. С. Орлова об издании памятников древнерусской литературы, адресованная дирекции ИРЛИ. Решено было направить эту записку в бюро Отделения литературы и языка АН СССР. В течение 1945 г. вопрос не был, по-видимому, окончательно решен, так как А. С. Орлов еще раз вернулся к нему в конце года, в письме в дирекцию института от 21 декабря 1945 г.: «Пятилетним планом (1946—1950 гг.) Институтом литературы предусмотрено издание Сектором древнерусской литературы серии „Памятников древнерусской литературы“».

Еще в 1898 г. академиками М. И. Сухомлиновым и А. А. Шахматовым был составлен „Проект издания собрания сочинений русских писателей“, в которое должны были войти и литературные памятники русского средневековья. В том же году акад. Н. К. Никольскому было поручено собирание библиографических материалов для академического издания памятников XI в. (в 1906 г. были изданы «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI вв.»). Организованная в 1901 г. Комиссия по изданию памятников древнерусской литературы (КПДЛ) развернула большую подготовительную библиографическую работу (итоги ее собраны в картотеке КПДЛ, хранящейся в БАН), но за все время своего существования (до 1936 г.) издала лишь три выпуска „Памятников“, в которые вошли Жития Бориса и Глеба, Авраамия Смоленского и Моление Даниила Заточника.

Между тем потребность в строго научном издании литературных памятников XI—XVII вв. все возрастает. Целые группы этих памятников — и именно те, которые в настоящее время привлекают к себе особое внимание исследователей, — до сих пор остаются либо совсем не изданными, либо имеются в старых, не отвечающих научным требованиям изданиях. В таком положении, например, находится большинство русских повестей —

¹⁰⁹ ААН, ф. 247, оп. 2, № 39.

¹¹⁰ Сводный тематико-экспозиционный план раздела «Древняя русская литература (XI—XVII вв.)» (сост. В. Д. Кузьмина). — Там же, ф. 150, оп. 1 (1947), № 16.

исторических, бытовых, легендарных, памятники русского стихотворства (не изданы даже сочинения Симеона Полоцкого), многие драматические произведения, путешествия и т. д.

„Памятники древнерусской литературы“ должны дать исследователям и читателям наиболее значимые по теме и лучшие в художественном отношении произведения каждого литературного жанра. В первую очередь будут изданы хранящиеся лишь в рукописях или неудовлетворительно научно изданные тексты. Основные требования, которым должны удовлетворять все издания, сводятся к следующему:

а) изданию предшествует вступительная статья критико-библиографического характера, содержащая вместе с тем историю текста памятника в рукописных его списках;

б) текст изучается с учетом всех сохранившихся его списков;

в) при наличии нескольких редакций памятника издаются те из них, которые представляют переработки, существенно изменяющие содержание, стиль или язык произведения;

г) старшая редакция издается, по возможности, в реконструированном виде, во всяком случае — с исправлением явно ошибочных чтений, причем все исправления оговариваются в примечаниях;

д) текст сопровождается комментарием историко-литературным и по мере надобности историческим, историко-географическим и реальным;

е) в приложении к каждому выпуску дается словарь наиболее характерных для данного памятника трудных слов с переводом на современный русский язык;

ж) желательно иллюстрировать каждый выпуск снимками со старших списков памятника и миниатюрами к тексту и авторскими портретами, если таковые сохранились в художественно ценном исполнении.

Сектор древнерусской литературы считает неотложной задачей организацию систематического издания по приведенному плану „Памятников древнерусской литературы“ и просит дирекцию Института литературы возбудить перед Отделением литературы и языка АН СССР ходатайство об учреждении специальной серии „Памятники древнерусской литературы“ и о том, чтобы серия ежегодно обеспечивалась в издательском плане. . .»¹¹¹

В дополнительной записке А. С. Орлова, адресованной дирекции, говорилось: «Это издание в каждом случае должно явиться результатом большой, вполне самостоятельной исследовательской работы. Реконструкция основного текста, сохранившегося в поздних списках, установление редакций памятника составляют наиболее трудоемкую и требующую чисто исследовательских разысканий часть всякого научного труда по истории древнерусской литературы. Ввиду этого работа по изданию памятников XI—XVII вв. должна быть приравнена к любой исследовательской теме. . .»¹¹²

На заседании отдела 30 мая 1945 г. решено было ходатайствовать перед дирекцией института о представлении ОДРЛ должности младшего научного сотрудника, на которую планировалось пригласить В. И. Малышева. Владимиру Ивагвичу предстояла большая работа по библиографии и описанию рукописей.

В течение весны и осени 1945 г. продолжались работы сотрудников по изучению отдельных конкретных произведений. Выделим доклад В. П. Адриановой-Перетц о княжеских житиях, состоявшийся 6 июня 1945 г., по поводу которого А. С. Орлов заметил: «Доклад интересен объединением большого материала на психологической основе с указанием на государственные и политические стороны. . . Работа. . . ставит своей задачей обосновать княжеские жития как специфический жанр».¹¹³

¹¹¹ Там же, оп. 1 (1946), л. 69.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, № 10.

Осенью, 28 ноября, В. П. Адрианова-Перетц делает другой, близкий по теме доклад о «Слове о житии и преставлении великого кн. Дмитрия Ивановича. . .» Варвара Павловна обратилась к житиям в результате своих занятий поэтическим стилем. В июле ею был сделан доклад о «плачах» в древнерусской литературе, во многом основанный на агиографическом материале.

В связи с пере- и доработкой второй части 2-го тома «Истории русской литературы» В. П. Адрианова-Перетц 26 сентября 1945 г. ставит на обсуждение в отделе вопрос о периодизации русской литературы XVII в. «Очень важно было бы показать, — говорила она, — что настоящий поворот в литературе начинается с момента особенно яркого и резкого проявления национальных демократических тенденций». «До сих пор никто не давал в системе тех явлений, которые систематизировала Варвара Павловна, — заметил А. С. Орлов. — У докладчика очень тонко подмечены специфические особенности некоторых периодов. В заключительной статье, подводящей итоги трех больших частей, необходимо сказать о том, что истоки и основание древней литературы — византийская литература — представляет собой основу мирового характера, и русская литература продолжала и развивала традиции, имеющие исключительно важное значение». Д. С. Лихачев высказал тогда мысль, развитую им в более поздних его работах: «В заключении необходимо подчеркнуть, что русская древняя литература не заканчивается в XVII веке».¹¹⁴

Итоги работы отдела в 1945 г. выразились в его годовом отчете.¹¹⁵

I. «История русской литературы».

Отпечатана 1-я часть 2-го тома (объем 43 а. л.), дополнен ряд статей и проведена редактура 2-й части 2-го тома (объем 40 а. л.), написаны 2 вводные главы и заключительная статья к двум первым томам. Вводные главы и заключительная статья были отредактированы А. С. Орловым.

II. Проблема становления национальной русской литературы в XI—XVII вв.

А. С. Орловым написана статья «О повестях Смутного времени начала XVII в.», продолжено исследование стиля воинской повести. На юбилейной сессии Академии наук сделан доклад «Героические темы древнерусской литературы — к истории воинского стиля XI—XVII вв.».

В. П. Адрианова-Перетц продолжала работу над книгой «Очерки литературного стиля русского средневековья». Ею также была написана статья «К истории литературного пейзажа в древнерусской литературе» (для сборника в честь А. И. Белецкого).

И. П. Еремин закончил исследования «„Слово о полку Игореве“ как литературный жанр» и «Стилистический анализ „Повести временных лет“». Д. С. Лихачев продолжал работу над исследованием летописи как литературного памятника.

III. Подготовка к изданию «Памятников древнерусской литературы».

А. С. Орлов готовил к печати «Повесть о пахождении Стефана Батория на Псков», В. П. Адрианова-Перетц собрала материал для издания двух редакций «Задонщины», М. О. Скрипиль подготовил к печати три редакции «Повести о Савве Грудцыне», начал работу над списками «Повести о Юлиании Лазаревской», И. П. Еремин готовил к изданию текст «Рифмологикона» Симеона Полоцкого и двух его «Книжиц». Д. С. Лихачев работал над списками «Повести о Николе Заразском».

IV. Издательская деятельность ОДРЛ в 1945 г. выразилась в том, что вышли из печати 1-я часть 2-го тома «Истории русской литературы»; книги А. С. Орлова: 1) «Героические темы древнерусской литературы», 2) «Казахский героический эпос» и «Древняя русская литература XI—XVII вв.» (3-е изд.); книга Д. С. Лихачева «Национальное самосознание Древней

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, л. 25.

Руси» и находилась в печати его же «Культура Руси в XV в.». Докторант А. П. Евгеньева продолжала работу над диссертацией. Кроме того, сотрудниками отдела (А. С. Орловым, Д. С. Лихачевым и А. П. Евгеньевой) был сделан ряд докладов на заседаниях ученого совета института, в отделах новой русской литературы и фольклора, в Институте истории.

Уже в самом начале нового 1946 г. (2 января) в секторе состоялось обсуждение принципов публикации памятников. Выступали И. П. Еремин и М. О. Скрипиль. В обсуждении помимо постоянных сотрудников сектора приняла участие В. Ф. Покровская. В. П. Адрианова-Перетц сказала, что «самым важным является вопрос реконструкции текста. Если говорить о полной реконструкции текста, то могут возникнуть многие сложные положения, обусловленные тем, что наиболее древними могут оказаться детали варианта, а не основного списка. Надо решить вопрос о том, до какого предела идет реконструкция. Относительно раскрытия цитат следует сказать, что нельзя ограничиваться только цитатами из Священного писания. Необходимо обсудить вопрос о комментариях и их „распределении“ между вступительной статьей и подстрочными примечаниями».¹¹⁶

А. С. Орлов призвал к бережному отношению к средневековым текстам: «Публикуя список XIII—XIV вв., приходится быть чрезвычайно осторожным, так как исправления могут быть спорными. Восстановление текста по двум-трем спискам, может быть, и не следует делать, а если делать, то чрезвычайно редко. Что касается исправления цитат, то и здесь требуется большая осторожность, иногда приходится оставить цитату в том виде, в каком она приведена . . . Вопрос об орфографии чрезвычайно сложен, и в „восстановленных“ местах и в раскрытых титлах здесь придется быть особенно внимательным. Необходимо использовать словари, которые даны в приложениях к различным изданным памятникам и являются дополнениями к словарю Срезневского. (Желательно бы составить библиографию их!)».¹¹⁷ Немного ранее, 28 ноября 1945 г., А. С. Орлов говорил в связи с сообщением М. О. Скрипиля о подготовке им к изданию текста «Повести о Савве Грудцыне»: «. . . при таком большом количестве списков желательно видеть не только резко отличные друг от друга, но и группы списков близких. В предисловии можно дать характеристику различных групп списков, должна быть текстологическая характеристика».¹¹⁸

При обсуждении принципов издания древнерусских текстов А. С. Орлов высказал следующие соображения: «Необходимо поставить вопрос об издании сборников „Измарагд“, „Златая цепь“, „Златоуст“. Следует издавать „Триоди“ и „Торжественники“. Надо составить список тех сборников, которые надо издавать. Для культурной истории России сборники эти имеют огромное значение».

Напомню, что еще в 1942 г. В. П. Адрианова-Перетц написала статью об «Измарагде». Вопросы о принципах издания древних текстов возникли, конечно, не внезапно. Накопился опыт работы над конкретными памятниками. Много работал в это время над историко-бытовыми повестями М. О. Скрипиль, над летописанием — Д. С. Лихачев, над сочинениями Симеона Полоцкого — И. П. Еремин, а В. П. Адрианова-Перетц в феврале 1946 г. ставит на обсуждение в секторе план издания «Задонщины». Очевидно, не случайно и то, что тогда же, в феврале, проф. И. М. Тронский, исследователь английской литературы, сделал на заседании сектора доклад о современных приемах издания классиков.

В плане работы сектора на 1946 г., подписанном А. С. Орловым, предполагалось:

1. Издание ТОДРЛ (т. 5, 6).

¹¹⁶ Там же, № 10.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

II. Издание текстов памятников древнерусской литературы: «Повесть о нахождении Батория на Псков» (А. С. Орлов); «Задонщина» (В. П. Адрианова-Перетц); «Книжицы» Симеона Полоцкого, сочинения Феодосия Печерского (И. П. Еремин); «Повесть о Николе Заразском» (Д. С. Лихачев); повести о Юлиании Лазаревской, о Басарге, о Тимофее Владимирском, о купце Георгии и волхве, о бедствиях купеческой дочери (М. О. Скрипиль); записи былин XVII в. (А. П. Евгеньева); «Повесть о Ярополе-царевиче» (М. В. Николаева).

III. Монографии: А. С. Орлов. «Владимир Мономах и его сочинения»; В. П. Адрианова-Перетц. «Очерки литературного стиля русского средневековья» (гл. «Эпитет в русской литературе XI—XVII вв.»; «Фантастика в историческом повествовании»); А. П. Евгеньева. «Из истории русского литературного языка и стиля XVII—XVIII вв.» (гл. IV—VII докторской диссертации); М. О. Скрипиль. «Опыты изучения древнерусской повести». Т. 2 (Гл. «Повесть о Луке Колоцком»). То же. Т. 1 — доработка в печати; М. В. Николаева. «Повесть о Ярополе-царевиче» (канд. дис.).

IV. Историография древнерусской литературы: труды К. Ф. Калайдовича и П. Строева. Исполнители: И. П. Еремин и Д. С. Лихачев.

В плане Совнаркома на 1946 г. по Сектору древнерусской литературы значилось:

I. Издание второй части 2-го тома «Истории русской литературы» (XVII в.). Объем 40 а. л. Отв. редактор В. П. Адрианова-Перетц.

К плану была приложена аннотация ответственного редактора: «Особое внимание обращено на литературные памятники, характеризующие усиление реалистических тенденций, связей с устной традицией, сближение литературного языка с живой речью; показано появление в литературе новой тематики, рост сатирических жанров; ослабление дидактизма и интерес к характеристике нового „героя“, отдельными чертами напоминающего уже деятеля времени реформ; пересмотрены вопросы западно-европейских и украинско-белорусских культурных и литературных воздействий».¹¹⁹

II. Монография «Летопись как литературное произведение». Объем 25 а. л. Исполнитель: ст. научный сотрудник Д. С. Лихачев.

В примечании к плану работы на 1946 г. А. С. Орлов писал: «ОДЛ не может и не должен быть урезан, так как отдел работал много и необходимо, чтобы сделанные уже работы были напечатаны в 1946 г. Кроме того, необходимо, чтобы отдел имел свой орган. Есть большие законченные работы, например диссертация М. О. Скрипиля. Есть текст „Повести о Савве Грудынце“, надо издать и первые записи былин. Труды отдела должны быть изданы обязательно, причем они должны состоять из работ сотрудников, а также из кратких конспективных изложений того нового, что вышло».¹²⁰

При обсуждении плана И. П. Еремин предложил издавать в ОДРЛ не только статьи, но и сами тексты.

В. П. Адрианова-Перетц по этому поводу заметила: «Вероятно, в 1946 г. придется в „Трудах“ совместить и исследования и тексты. В дальнейшем необходимо издание текстов выделить как особое издание, представляющее собой большое коллективное предприятие, нуждающееся в особых ассигнованиях (командировки, копии, фотокопии и т. д.)».

Решение о начале научных изданий древнерусских памятников, принятое сектором в 1945 г., стало воплощаться в жизнь уже на следующий год. Работа В. П. Адриановой-Перетц над текстом «Задонщины» — тому пример. 13 марта 1946 г. на заседании сектора обсуждались вопросы, связанные с изданием этого памятника. «Предположение Варвары Павловны о трех источниках „Задонщины“ вполне реально, — сказал А. С. Орлов. — Очень интересно, как Кирилло-Белозерский список помогает восстано-

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

нию текста. Необходимо продолжить разыскания и восстановление текста, так как это имеет большое значение в числе неопровержимых доказательств против положений А. Мазона, высказанных им в работе о „Слове о полку Игореве“. 24 апреля А. С. Орлов выступил на секторе, как было помечено в повестке дня, с сообщением о полученных им из Парижа лекциях А. Мазона, в которых автор развивал свои положения о подложности «Слова о полку Игореве». В результате участники заседания постановили: «Подготовить и напечатать ряд статей и исследований по частным, конкретным вопросам, связанным с историей „Слова о полку Игореве“ и с самим текстом». ¹²¹ В конце мая состоялся доклад П. Н. Беркова «Заметки к истории изучения „Слова о полку Игореве“, а в ноябре 1946 г. В. П. Адрианова-Перетц выступила с докладом «„Задонщина“ в изображении Мазона». Наряду с этим в течение 1946 г. продолжалась ее работа над «Очерками литературного стиля русского средневековья» — были написаны главы: вступительная, заключительная и о роли метафорически-символического стиля в русской литературе XI—XVII вв. По второй части этого труда был написан раздел, касающийся проблем изучения исторического повествования XI—XVII вв., собран материал об элитете. Все эти вопросы обсуждались в течение года на заседаниях сектора: в марте, например, состоялся доклад В. П. Адриановой-Перетц на тему «Метафора „солнце“ в древнерусской литературе», продолжающий прочитанный ею годом раньше доклад «Из истории средневековой метафоры». Д. С. Лихачев закончил в 1946 г. свою работу о летописи как литературном памятнике, и доклад «К вопросу о летописи как литературном памятнике» был прочитан им на заседании сектора в феврале 1946 г. Эта работа была докторской диссертацией Д. С. Лихачева.

«Основная идея и тема диссертации, — пишет автор, — заключалась в попытке рассмотреть всю историю русского летописания как историю литературного жанра, при этом постоянно меняющегося в зависимости от изменения историко-литературной обстановки. До меня проблема изменения типов летописного жанра не ставилась. Метод А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова позволял рассматривать историю летописания только как историю сводов». ¹²²

В. П. Адрианова-Перетц позже писала об этой работе: «Д. С. Лихачев с первых же шагов подошел к летописи не только как историк, но и как литературовед. Он изучал рост и изменение самих способов летописания, их обусловленности своеобразием русского исторического процесса. Так намечился характерный для всего исследовательского пути Дмитрия Сергеевича глубокий интерес к проблеме художественного мастерства древнерусской литературы. Уже в ранних своих работах он изучает стиль литературы и изобразительного искусства как проявление единого художественного сознания». ¹²³ В 1946 г. вышла книга Д. С. Лихачева «Культура Руси эпохи русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.)», в которой особенно важна для дальнейших исследований в области изучения древнерусской литературы глава о литературе эпохи Куликовской битвы и где в сжатом виде были сконцентрированы многие положения ученого, нашедшие развитие в последующих его работах. Продолжался и его труд о «Повести о Николле Зараском». 20 февраля 1946 г. Д. С. Лихачев прочитал на заседании сектора незавершенную статью покойного В. Л. Комаровича «Повести о Николле Зараском». Поскольку статья представляла собой определенный этап в исследовании повести (как сказано в протоколе заседания), решено было ее напечатать, предварительно «проверив все ссылки и справки». Работа самого Д. С. Лихачева

¹²¹ Там же, № 13.

¹²² Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. С. 34.

¹²³ Адрианова-Перетц В. П. Дмитрий Сергеевич Лихачев: Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1966. С. 7—8.

над этим памятником продолжила и развила труд В. Л. Комаровича. В. П. Адрианова-Перетц охарактеризовала работу Д. С. Лихачева как образцово выполненное текстологическое исследование. В марте 1946 г. Д. С. Лихачев выступил с докладом о «Житии Александра Невского», проследив в нем западнорусские литературные традиции. А. С. Орлов отметил, что «доклад надо рассматривать как программу дальнейшей большой работы». О вышедшей в 1947 г. статье на основе этого доклада В. П. Адрианова-Перетц отозвалась как о «чрезвычайно свежей по наблюдениям».

И. П. Еремин готовил к изданию тексты сочинений Феодосия Печерского и Кирилла Туровского (они были напечатаны в 5-м и 6-м томах ТОДРЛ), а также «Декламации» Симеона Полоцкого. На заседании сектора 27 февраля 1946 г. Еремин прочитал доклад на эту тему, а 6 октября — о Кирилле Туровском. Одновременно он изучал материалы по истории старинного театра (сообщение об этом было заслушано 6 октября). Театру было посвящено и заседание сектора 20 ноября, когда читался доклад С. А. Щегловой «Любительский театр начала XVIII в. и его репертуар».

Разрабатывалась и тема взаимоотношений литературы и фольклора, как можно судить об этом по прочитанным в 1946 г. докладам В. П. Адриановой-Перетц «Фольклор в стихотворных жаргах XVIII в.», М. В. Николаевой «Повесть о Ярополе-царевиче и русские народные сказки», А. П. Евгеньевой «Лексика сборника Кириши Данилова» и «Сказание о киевских богатырях», А. А. Морозова «Легенды о скоморохах в фольклоре и древней литературе». Одно из заседаний сектора (23 сентября) было посвящено переводной литературе Древней Руси: с докладом «Еврейские источники русского компилятивного хронографа» выступил Н. А. Мецкерский. При обсуждении доклада В. П. Адрианова-Перетц сказала: «Работы докладчика имеют огромное значение в освещении переводов домонгольского периода. Чрезвычайно интересны данные и о русском языке Киевского периода. В этом направлении надо вести дальнейшую работу, так как итоги ее будут иметь значение для освещения реальной картины литературного языка Киевской Руси».

М. О. Скрипиль продолжал работу над темой «Древнерусская историко-бытовая повесть». Он подготовил к изданию повести о Басарге, о Юлиании Лазаревской, о Тимофее Владимирском, о купце Георгии и волхве, о бедствиях купеческой дочери.

Докторант А. П. Евгеньева работала над диссертацией «К истории литературного языка и стиля XVII—XVIII вв.», аспирант М. В. Николаева — над диссертацией «Повесть о Ярополе-царевиче».

В 1946 г. была возобновлена интенсивная работа по библиографии древнерусской литературы. Этим занимался В. И. Малышев, который привел в порядок картотеки «Толковой библиографии древнерусской литературы», заново составил аннотированные карточки на исследовании о древнерусской повести, просмотрел ряд журналов и газет, откуда извлек материалы для картотеки. В. И. Малышевым было также начато научное описание рукописных сборников из Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Кроме того, в 1946 г. В. И. Малышев осуществил поездку по Карелии для выявления и собирания сохранившихся рукописей — 2 октября на заседании сектора он сделал отчет об этой поездке.

Печатался 5-й том ТОДРЛ, был сдан на рецензию 6-й том, подготовлена монография А. С. Орлова «Владимир Мономах» (в серии научно-популярных изданий АН СССР). Помимо работ, упомянутых в официальном отчете, В. П. Адрианова-Перетц напечатала в 1946 г. статью «Академик А. С. Орлов. К 75-летию со дня рождения» («Вестник АН СССР» (1946. № 4)); написала рецензии на книги А. С. Орлова «Слово о полку Игореве» («Вестник АН СССР»), «Юмористические куранты» (сб. памяти чл.-кор.

АН СССР И. А. Бычкова), на книгу Н. К. Гудзия «История древнерусской литературы».

А. С. Орлов осуществил 2-е дополненное издание книги «Слово о полку Игореве», напечатал статью «Повесть 1606 г.» (Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1946. Т. 5, вып. 1); Д. С. Лихачев написал доклад «Шахматов как исследователь русского летописания» для сессии Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии АН СССР, посвященной памяти акад. А. А. Шахматова. И. П. Еремин опубликовал статью «Неизвестный памятник болгарской литературы конца XVI в.» (Науч. бюл. ЛГУ. 1946. № 11—12),¹²⁴ М. О. Скрипиль — статьи «Повесть о Петре и Февронии» и «Эпические сказания южных славян об огненном змее» (там же).

В конце 1946 г., 4 ноября, на заседании сектора М. О. Скрипилем была прочитана статья А. С. Орлова «Мысли о положении работ по литературе русского средневековья». При ее обсуждении И. П. Еремин, а вслед за ним и М. О. Скрипиль поддержали замечание А. С. Орлова о необходимости переиздания памятников древнерусской литературы, а также об обновлении их репертуара. Центральной задачей работы специалистов по древнерусской литературе И. П. Еремин считал не только «эстетическое оживление» древнерусских памятников (по выражению А. С. Орлова), но и изучение художественного стиля древнерусской литературы как метода. Важна мысль А. С. Орлова, сказал И. П. Еремин, относительно связи в работе между специалистами по русской и западной литературам в целях взаимного обогащения научными достижениями в литературоведении. М. О. Скрипиль добавил, что необходимо, по его мнению, сделать более тесными научные связи исследователей древнерусской литературы с фольклористами и специалистами по античной культуре, больше «использовать достижения разных областей исторических наук». В дальнейшем по инициативе В. П. Адриановой-Перетц историки совместно с литературоведами приняли деятельное участие в издании ряда памятников: «Хождения за три моря» Афанасия Никитина (1958), «Повести временных лет». Ч. 1—2 (1950), «Посланий Ивана Грозного» (1951) и др. Мысль А. С. Орлова «об обновлении работы в книгохранилищах» поддержал В. И. Малышев.

Общеакадемический план 1947 г. предусматривал следующие работы.

1. Монографии-исследования: А. С. Орлов. «Владимир Мономах и его сочинения»; И. П. Еремин. «Древнерусская летопись XII—XIII вв. К истории стиля и мировоззрения»; «История русской литературоведческой мысли в СССР. Т. 1 / Коллектив сотрудников под общей редакцией акад. А. С. Орлова и чл.-кор. В. П. Адриановой-Перетц.

П. Подготовка к изданию памятников древнерусской литературы. 1) Исторические повести: «Повесть о Николле Зараском» (Д. С. Лихачев); 2) Историко-бытовые и легендарно-исторические повести: повести о Петре, царевиче Ордынском, о Луке Колоцком, о Марфе и Марии (М. О. Скрипиль); 3) Ораторство XI—XIII вв.: сочинения Кирилла Туровского (И. П. Еремин); 4) Зарубежные путешествия: «Хождение игумена Даниила и его позднейшие переделки» (В. П. Адрианова-Перетц); 5) Фольклор в записях XVII—XVIII вв.: пословицы в сборниках конца XVII в. (А. П. Евгеньева).¹²⁵

Как свидетельствует отчет о работе сектора за 1947 г., по общеакадемическому плану в 1947 г. велась работа над монографическими исследованиями: И. П. Ереминым — по теме «Древнерусская летопись XII—XIII вв. (Воинская повесть как литературный жанр)», В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Ереминым, Д. С. Лихачевым, М. О. Скрипилем — над «Историей

¹²⁴ О «Житии архиепископа Варлаама», составленном не ранее конца 1598—начала 1599 г., и выписке из него — «Новине» Ивана Вишенского, датируемой примерно 1600 г.

¹²⁵ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1947), № 8.

русской литературоведческой мысли». (Был составлен развернутый план части обзора, касающейся зачатков литературоведения в средние века и метода изучения памятников древнерусской литературы в XVIII—XIX вв.) Из памятников древнерусской литературы к изданию были подготовлены: большая часть «Повести о Николе Заразском» Д. С. Лихачевым, повести о Петре, царевиче Ордынском, о Луке Колодком, о Марфе и Марии М. О. Скрипилем, из сочинений Кирилла Туровского И. П. Еремин подготовил тексты и предисловие к его «речам», В. П. Адриановой-Перетц была начата подготовка к изданию «Хождения игумена Даниила», а изучение ею «Задонщины» выразилось в публикации: «Задонщина. К вопросу о реконструкции авторского текста» (Изв. ОЛЯ АН СССР. 1947. № 2).

В 1947 г. Д. С. Лихачев представил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме «Очерки по истории форм летописания XI—XVI вв.», а аспирантка М. В. Николаева закончила работу над кандидатской диссертацией «Повесть о Ярополе-царевиче». Докторская диссертация Д. С. Лихачева частично вошла в изданную им в 1947 г. книгу «Русские летописи и их культурно-историческое значение». В диссертации, по словам В. П. Адриановой-Перетц, ученым была поставлена задача «построить систематическую историю летописания от его возникновения до XVII в.». Книга же Д. С. Лихачева стала «ценным вкладом в науку, принципиально новые выводы ее приняты и литературоведами и историками». Касаясь цикла работ Д. С. Лихачева о русском летописании (к ним относятся и статьи ученого о новгородской литературе и культуре для 2-го тома «Истории русской литературы», на их основе была написана книга «Новгород Великий» (1945)), В. П. Адрианова-Перетц отмечала, что «они дали верное направление исследованиям художественных элементов летописания на разных этапах его развития. Они окончательно утвердили за летописями место среди литературных памятников исторического жанра».¹²⁶

Согласно общеплановому плану, В. П. Адрианова-Перетц продолжила работу по написанию «Очерков литературного стиля русского средневековья» (ч. II: «Проблемы литературного изучения древнерусского исторического повествования»), М. О. Скрипиль — «Опытов изучения древнерусской повести» (т. 2), Д. С. Лихачев — над изучением русской летописи как литературного произведения. Были собраны материалы для 7-го тома ТОДРЛ.

В ноябре 1947 г. прошла юбилейная сессия ИРЛИ, где сотрудниками сектора были прочитаны доклады: «Основные проблемы изучения литературы XI—XVII вв. в исследованиях 1917—1947 гг.» (В. П. Адрианова-Перетц); «Новое в изучении „Слова о полку Игореве“» (И. П. Еремин); «Древнерусская летопись как литературный памятник в трудах советских литературоведов и историков» (Д. С. Лихачев); «Древнерусская повесть в исследованиях 1917—1947 гг.» (М. О. Скрипиль).

С приходом в сектор В. И. Малышева в 1947 г. возобновилась и продолжалась библиографическая работа. В картотеке «Толковая библиография древнерусской литературы» им было закончено пополнение отдела, относящегося к изучению литературы XI—XVII вв. В 1917—1947 гг. продолжалось собирание сведений о рукописях из собрания Погодина; была произведена проверка новых поступлений в рукописных отделах БАН, ГПБ, ЛГУ, Института истории АН СССР, Всесоюзного географического общества для выявления новых списков «Азовских повестей». В. И. Малышев обнаружил 9 неизвестных в науке списков. На книжной выставке ИРЛИ он вместе с сотрудниками институтской библиотеки организовал отдел, характеризующий изучение древнерусской литературы

¹²⁶ Дмитрий Сергеевич Лихачев: Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1966. С. 10.

в 1917—1947 гг.¹²⁷ В официальном отчете не упомянуты статьи и рецензии В. П. Адриановой-Перетц, Д. С. Лихачева, И. П. Еремина, вышедшие в 1947 г. в различных научных журналах.¹²⁸

Принципиально важное значение имело появление в печати в 1947 г. книги В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси» — итога ее многолетней работы. Д. С. Лихачев писал о книге: «Она интересна как первый опыт обстоятельного исследования метафор-символов в древней русской литературе — их значения, происхождения и традиционной повторяемости в различных произведениях, а также особого жанра, стоящего на грани книжности и фольклора, — лиро-эпических „плачей“. . . Принципиально важно, что и здесь, как и в своих исследованиях взаимоотношения фольклора и литературы, Варвара Павловна подчеркивает идейную обусловленность всяких изменений формы».¹²⁹

Весной 1947 г. умер А. С. Орлов. 17 мая состоялось совместное заседание секторов древнерусской и новой литературы, посвященное его памяти. Были прочитаны два доклада: «Академик А. С. Орлов — литературовед, художник и педагог» (В. П. Адрианова-Перетц) и «Академик А. С. Орлов: Жизнь и научная деятельность» (П. Н. Берков).

Кроме постоянных сотрудников на заседании присутствовали М. М. Орлова (вдова А. С. Орлова), В. Ф. Покровская, П. Н. Берков, В. В. Данилов, Е. С. Истрина, В. А. Петров, Б. С. Мейлах, И. Е. Тыслер, Д. В. Грибакин — всего, как показывает запись в протоколе, 33 человека.

Открывая заседание, В. П. Адрианова-Перетц сказала: «А. С. Орлов был разносторонний ученый, никогда не замыкавшийся в рамках своей специальности. Характерной особенностью всех его работ является глубокий историзм, прекрасное знание фактического материала. Как человек <он> всегда был чутким и добрым нашим старшим товарищем». Касаясь биографии ученого, Варвара Павловна отметила: «Александр Сергеевич был воспитанником Московского университета. В Московском университете в это время широко был развит вкус к художественной стороне произведений. Сам же Александр Сергеевич считал себя призванным изучать поэтическую сторону памятников русской письменности. Этим объясняется его интерес к „Слову о полку Игореве“, воинским повестям. В работе над этими темами он проявил себя как наследник лучших традиций Ф. И. Буслаева. Но А. С. Орлов не был эстетом, он не рассматривал художественную сторону памятников замкнуто, в отрыве от исторической перспективы. В своих работах он широко привлекал материалы истории, истории искусств, этнографии и т. д. „Поэтику надо всегда рассматривать в связи с мировоззрением автора“, — говорил А. С. Орлов. Русскую культуру он считал частью славянской культуры и призывал к совместному их изучению. Свообразие русской художественной литературы он видел в своеобразии русского исторического процесса. Наши художественные ценности он считал частью мировой культуры. Отсюда у него возник интерес к казахскому героическому эпосу: в этом эпосе он уловил тесную связь с русской культурой, с русским эпосом».

В. П. Адрианова-Перетц говорила также и о внимании А. С. Орлова к русскому языку («Методология и методика языка всегда его интересовали. Знакомство с церковнославянским языком он считал необходимой ступенью в изучении русского языка. Александр Сергеевич интересовался языком крестьян; знал прекрасно купеческий язык, разделяя его всего, как он выражался, „на две половинки“: мужской язык и женский»), о высокой культуре слова самого А. С. Орлова («Устная речь Александра Сергеевича всегда отличалась большой выразительностью, яркостью харак-

¹²⁷ См.: ААН, ф. 150, оп. 1 (1947), № 8.

¹²⁸ См.: Там же, № 16.

¹²⁹ Варвара Павловна Адрианова-Перетц: Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1963. С. 14—15.

теристик и неподдельным юмором»). П. Н. Берков рассказал об основных этапах научной биографии А. С. Орлова, более подробно остановившись на работе созданного им института книги, документа и письма и участии его в сборниках статей по литературе XVIII в.

В составе Сектора древнерусской литературы произошли изменения. Заведующей стала В. П. Адрианова-Перетц, уже выполнявшая эти обязанности во время эвакуации в Казани и замещавшая А. С. Орлова во время его болезни. В связи с окончанием срока докторантуры А. П. Евгеньевой (1 мая) секретарем сектора становится В. И. Малышев, и с 25 апреля 1947 г. им велись все протоколы заседаний.

14 мая прошло обсуждение плана одной из глав книги «История поэтических учений», задуманной Академией наук СССР. В. П. Адрианова-Перетц сказала по этому поводу: «Сектору поручено написать первую главу для книги „История поэтических учений“. Материала по этому вопросу очень мало. Эту работу на материале средневековой литературы можно будет сделать по-настоящему лишь тогда, когда будет написана историческая поэтика и после серии больших предварительных исследований. Поэтому наша статья должна быть не как итог каких-то исследований, а лишь как постановка проблемы».

Затем выступил М. О. Скрипиль: «Поэтической теории как системы учения русское средневековье не создало, оно до этого не поднялось, хотя отдельные попытки в этом направлении и были. Вот так и надо ставить вопрос в статье, которую нам предлагают написать. Эти попытки теоретического осмысления заметны были внутри произведений древнерусской литературы. Но это создавалось на практике, на опыте. Никто тогда не говорил, как надо писать художественное произведение, никто тогда не задумывался над этим и не строил теорий». Д. С. Лихачев высказал мысль, что «... в Древней Руси были только эстетические вкусы, приобретенные эмпирически». И далее: «Вот эти вкусы-то и надо еще выяснить, объяснить их, обобщить, а затем уже строить поэтическую теорию древнерусской литературы. Известный сейчас материал в этом вопросе позволяет лишь сделать декларативное заявление, и только. Сейчас можно будет поставить только вопросы, ответы на которые дадут будущие исследователи, которым придется сделать строгую проверку наличного материала, пока еще очень и очень незначительного». Подводя итог обсуждению плана, В. П. Адрианова-Перетц отметила, что «еще не пришло время, чтобы браться за разработку данной темы. Литература X—XVII вв. только обнаруживает стремление теоретизировать некоторые поэтические вкусы и приемы».¹³⁰

4 июня 1947 г. в секторе состоялось обсуждение книги Д. С. Лихачева «Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV—начало XVI в.)» и рецензии на нее М. Н. Тихомирова в журнале «Вопросы истории» (№ 4 за 1947 г.).

«По мере того как историческая наука отходит от традиционного представления о Древней Руси как о мрачной поре культурного застоя, неподвижности, замкнутости и упадка, — писал в предисловии Д. С. Лихачев, — по мере того как искусствоведы, археологи, литературоведы обнаруживают новые факты, свидетельствующие о высоком уровне русской средневековой культуры, — выясняется и своеобразии отдельных эпох культурного развития Руси». Книга Д. С. Лихачева стала итогом его наблюдений над текстами многих памятников древнерусской литературы. Через две недели после этого обсуждения В. П. Адрианова-Перетц выступает на заседании сектора с итоговым докладом «Основные проблемы в изучении средневековой русской литературы в исследованиях 1917—1947 гг.», подготовленным ею для сессии ИРЛИ, посвященной 30-летию Октябрьской революции. Показав, что за это время исследователями были

¹³⁰ ААН, ф. 150, оп. 1 (1947), № 16.

«переосмыслены литературные процессы средневековья», по-новому поставлена проблема периодизации литературного процесса (она стала более историчной), В. П. Адрианова-Перетц отметила, что советские ученые впервые «разбили литературные явления на жанры», в их исследованиях расширился круг памятников переводной литературы, было установлено, что в литературе XVII в. «личность все больше и больше освобождается от трафарета и шаблона». При всем том «характер древнерусского человека, — продолжала она далее, — еще не раскрыт целиком нашими литературоведами. Перед советскими литературоведами стоит задача раскрыть полнее эстетические запросы древнерусского человека . . . более полно и подробно изучить историческую поэтику. . .» При обсуждении доклада В. П. Адриановой-Перетц Д. С. Лихачев предложил включить в него важный и необходимый для дальнейших исследований вопрос об издании древнерусских памятников литературы.¹³¹

Работа В. П. Адриановой-Перетц над изучением стиля средневековой литературы привела ее к новым наблюдениям в области взаимоотношений древнерусской литературы и фольклора — темы, которую исследовательница разрабатывала много лет. В марте и мае 1947 г. она выступила с двумя докладами в Секторе фольклора: «Устная символика в древнерусской литературе» и «Народная прическа и древнерусские плачи». Позже в основополагающей для этой темы статье «Древнерусская литература и фольклор» В. П. Адрианова-Перетц напишет: «Проблема взаимоотношения в Древней Руси литературы и фольклора — это проблема соотношения двух мировоззрений и двух художественных методов, то сближавшихся до полного совпадения, то расходившихся по своей принципиальной непримиримости».¹³² Не случайно при обсуждении в декабре 1947 г. состава готовящегося 7-го тома ТОДРЛ В. П. Адрианова-Перетц решила посвятить его проблеме связей литературы и фольклора.

Помимо названных основных проблем, разрабатывавшихся сотрудниками сектора в 1947 г., читались и обсуждались доклады о «Слове о полку Игореве» (Н. В. Шарлемань), об элементах русской народной медицины в «Повести о Петре и Февронии» (Н. А. Богоявленский), о стиле Симеона Полоцкого (И. П. Еремин), о русской риторике XVI в. (Д. С. Бабкин), об авантюрном романе XVIII в. в связи с «Повестью о Ярополе-царевиче» (М. В. Николаева), о языке и стиле устной поэзии XVII в. (А. П. Евгеньева).

31 декабря 1947 г. на рабочем заседании сектора было решено с 1 января 1948 г. проводить заседания по средам с двух часов дня, что продолжается и до сих пор. В. П. Адрианова-Перетц как заведующая сектором заботилась о том, чтобы слушать доклады и принимать участие в обсуждении работы сектора могли все ученые смежных специальностей, все, кто интересуется вопросами литературы и культуры Древней Руси. Варвара Павловна считала важным поддерживать связь с постоянными участниками Трудов ОДРЛ, а также с бывшими сотрудниками. Так, сохранилась ее записка в дирекцию БАН, где в Рукописном отделе работала В. Ф. Покровская, с просьбой разрешить Вере Федоровне прерывать работу для участия в заседаниях сектора. «Для отдела чрезвычайно важно, — говорится в записке, — поддерживать научное общение со всеми специалистами, а тем более со своими питомцами».¹³³

Итак, со смертью А. С. Орлова завершается период становления, развития и оформления Отдела (Сектора) древнерусской литературы как единого целого. В последующие годы В. П. Адрианова-Перетц вместе со своими коллегами сделала сектор главным центром современного изучения древнерусской литературы.

¹³¹ См.: Там же.

¹³² ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 5.

¹³³ Там же.